K45 4/74

К45-4
74
I 3/190

Вадимъ Бѣловъ.

Кровью и Желѣзомъ.

Осень 1914 г.

Впечатлѣнія офицера-участника.

Петроградъ.
Издательство „Библіотеки Великой Войны".
1915.

нов.
К 45 4/74

Вадимъ Бѣловъ.

В. Р. № 49345
XV № 282

КРОВЬЮ и ЖЕЛѢЗОМЪ.

Впечатлѣнія офицера—участника.

Августъ—Сентябрь.

ПЕТРОГРАДЪ.
Издательство „Библіотека Великой Войны".
1915.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 13886
30 " VII 193 г.

Типографія „ВИКТОРІЯ“ Знаменская, 17. Тел. 32-48.

М

КРОВЬЮ И ЖЕЛѢЗОМЪ.

Съ отдаленныхъ сѣрыхъ склоновъ мокрыхъ холмовъ медленно сползали сѣрыя гусеницы вытянувшихся пѣхотныхъ частей, извиваясь своей колышащейся массой и изрѣдка поблескивая тусклой сталью наклоненныхъ штыковъ...

Внизу раскинулась долина, на туманномъ фонѣ горизонта темнѣли очертанія города, и вился черный дымокъ, вѣроятно, надъ пылающими домами...

Скользя копытами въ грязи, осторожно спускались по крутымъ скатамъ низкорослыя, но сильныя казачьи лошадки, позади за гребнемъ, невидимымъ для непріятеля, вылѣзалъ изъ грязи увязнувшій тяжело нагруженный обозъ и, обгоняя его, разбрызгивая громадными копытами воду мутныхъ лужъ, подъ звуки дикихъ криковъ и понуканій выѣздныхъ, громадные сильные битюги тащили тяжелыя, невзрачныя пушки, облѣпленныя корой подсохшей грязи... Отъ широкихъ спинъ и круповъ лошадей валилъ паръ, выѣздные работали нагайками и такъ запыхались, словно это они, а не лошади тащили все утро, по невыносимой дорогѣ, вязнувшія пушки...

Наконецъ-то, наступилъ часъ отдыха, отдыха, быть можетъ, нѣсколько опаснаго, но зато въ полномъ смыслѣ слова отдыха: лошадямъ больше не нужно было надрываться, вытаскивая изъ глубокихъ колей тяжелые зарядные ящики, людямъ не нужно было больше махать нагайками и кричать на лошадей, срывая себѣ голоса,—артиллерія выѣхала на позицію, коней отпрягли и отвели назадъ за жидкій полуобгорѣвшій лѣсокъ, а орудія, выкаченныя на гребень, принялись за свое обычное разрушительное занятіе...

Сѣрыя, маленькія чудовища углубились колесами въ вырытые для нихъ окопики, повертѣли черными зловѣщими отверстіями стволовъ и вдругъ, одинъ за другимъ, съ методической послѣдовательностью, начали съ дымомъ и пламенемъ выплевывать черезъ голову ползущей внизу пѣхоты гудящіе стальные снаряды по направленію къ темнѣвшимъ на сѣромъ фонѣ осенняго утра зданіямъ города...

Около нихъ, около пушекъ небольшія группы людей выполняли равнодушно и безостановочно свое дѣло, и каждый изъ нихъ помнилъ также твердо свои несложныя обязанности, какъ и на ученьѣ на плацу, вдали отъ настоящихъ битвъ и настоящей опасности... Еще на плацу Фадѣева выучили подносить патронъ, Еремѣева затворять замокъ, а Пантелѣева ставить прицѣлъ, и вотъ теперь, когда съ учебнаго поля они перенеслись на сѣрые холмы Галиціи, Фадѣевъ подъ дождемъ

непріятельской шрапнели также хладнокровно дѣлалъ знакомое дѣло—подносилъ патронъ. Еремѣевъ затворялъ замокъ еще дымящагося дула, а Пантелѣевъ, вслушиваясь въ каждое слово наблюдателя, ставилъ прицѣлъ, словно черное отверстіе дула его пушки направлялось не противъ живыхъ людей, а на замазанныя краской доски мишени...

Откуда-то издалека, жужжа, какъ крупный шмель, пронеслась австрійская граната, ударила въ мокрую землю, вырвала цѣлую воронку, разметавъ грязь по сторонамъ вмѣстѣ со свистящими стальными осколками. Только у крайняго орудія ахнулъ и присѣлъ какой-то солдатикъ, да и то не оттого, что испугался, а просто потому, что одинъ изъ осколковъ попалъ ему въ спину... остальные даже не обратили вниманія на взрывъ, не повернули головы, когда вслѣдъ за первой гранатой съ визгомъ и лязгомъ разорвались надъ ними шрапнельные стаканы; имъ было не до того, у нихъ у каждаго было свое болѣе важное дѣло, чѣмъ слѣдить за стрѣльбой австрійцевъ: Фадѣевъ, Еремѣевъ и Пантелѣевъ суетились около пушекъ, переругиваясь, совсѣмъ какъ на плацу во время ученія...

А, между тѣмъ, прикрываемая дружнымъ и мѣткимъ огнемъ батарей, сѣрая масса пѣхоты волнами катилась все впередъ по долинѣ къ окраинѣ города, уже дымившагося въ нѣсколькихъ мѣстахъ отъ вспыхнувшихъ пожаровъ.

Бой былъ близокъ, каждый изъ этихъ людей, шагавшихъ тяжелыми сапогами по жидкой грязи въ мокрыхъ шинеляхъ, еще не высохнувшихъ отъ ночной сырости, понималъ это, но почему-то ни въ одномъ лицѣ нельзя было замѣтить тревоги и гнетущей мысли о близкой опасности и возможной смерти, всѣ лица были серьезны, но спокойны, и въ каждомъ жестѣ, въ каждомъ словѣ, которыми обмѣнивались эти солдаты, была видна увѣренность, спокойная и несокрушимая...

Вмѣстѣ съ ними шагали и офицеры съ обвѣтренными обросшими лицами, совсѣмъ слившіеся съ этой сѣрой массой своими солдатскими шинелями, защитными погонами и сѣрозелеными ремнями походнаго снаряженія.

Мимо прошло много лицъ, а они все шли еще, шли рядъ за рядомъ на югъ по мокрому одѣтому туманомъ полю, гдѣ уже разсыпались передовыя цѣпи и мелкой дробью затрещали пулеметы.

Бой разгорался, громкое и твердое уханіе орудійной пальбы теперь уже тонуло въ веселомъ бойкомъ говорѣ пулеметовъ, то словно выкрикивавшихъ коротенькія насмѣшливыя фразы, то вдругъ разражавшихся длинными дробными тирадами... Ружейная пальба неровная, то вдругъ смолкавшая, то снова разгоравшаяся, била рѣзко въ уши въ минуту затишья пулеметовъ, умолкала на мгновеніе и потомъ вдругъ, словно по мановенію палочки невѣдомаго дирижера этого ужас-

наго оркестра, всѣ его инструменты вступали одинъ за другимъ, покрывая голоса другъ друга и сливая ихъ въ странную, терзающую ухо, гармонію.

Отсюда, съ высоты холмовъ, на которыхъ была расположена артиллерія, можно было видѣть все поле, усѣянное, какъ муравьями, сѣрыми фигурами солдатъ, можно было видѣть вытянувшіяся передовыя цѣпи, людей перебѣгающихъ одиночкой и группами, были даже видны австрійцы, прочно засѣвшіе въ своихъ глубокихъ окопахъ, надъ которыми тянулось синеватое облако порохового дыма.

Офицеръ наблюдатель, молодой поручикъ уже пережившій нѣсколько боевъ, видимо свыкся съ этой обстановкой, нервы его успѣли закалиться и привыкнуть, и онъ теперь подъ выстрѣлами непріятеля отыскивалъ наилучшій наблюдательный пунктъ для батареи.

Шагахъ въ трехъ стахъ вправо и значительно впереди орудій высилось одинокое, громадное и старое кряжистое дерево, вершина котораго вмѣстѣ съ листвой была сбита, вѣроятно, случайной гранатой... остался только одинъ толстый стволъ и нѣсколько нижнихъ громадныхъ сучьевъ, а выше бѣлѣло расщепленное ударомъ тѣло дерева.

— Вотъ прекрасный пунктъ для наблюденій!.. воскликнулъ восторженный поручикъ и черезъ минуту вскарабкался вмѣстѣ съ телефонистомъ на вершину,—къ излому стараго дуба.

Батарея работала неумолчно и неутомимо. Позади, шагахъ въ тридцати, сидѣлъ въ ямѣ телефонистъ, около своего ящика съ навязанными на уши пріемниками, и, перекрикивая грохотъ рвавшихся вокругъ снарядовъ, высокимъ теноромъ передавалъ:

— ...Трубка 60... шкала назадъ... 15...

И сѣрые люди, копошившіеся около дымящихся пушекъ, ловили на лету каждое его слово, быстро мѣняли шкалу, ставили трубку, бомбардиръ поднималъ кверху руку; въ лицѣ его въ эту минуту можно было замѣтить какую то гордость артиста, изумительно постигшаго всѣ тонкости своего дѣла: рука опускалась, и, взметнувъ снопъ пламени и синеватаго дыма, орудіе отскакивало назадъ, но въ ту же минуту на него набрасывались дружной стаей остальные „номера“, опять ловилось на лету приказаніе телефониста, и вся процедура начиналась снова, независимо отъ падавшихъ все ближе и ближе австрійскихъ гранатъ.

И вдругъ внизу, въ полѣ, произошло что-то необычайное, все заволоклось дымомъ, замелькали безпорядочно человѣческія фигуры, исчезли правильныя линіи цѣпей, и до батарей донесся далекій заглушенный, какъ шумъ прибоя, ревъ тысячи голосовъ, слившихся въ одинъ страшный и торжествующій гулъ.

— На штыки пошли... дай имъ Господи, произнесъ около меня какой-то Фадѣевъ или Пантe-

лѣевъ, не прерывая своей работы и даже не оглядываясь на затянутое голубой дымкой поле.

Къ батареѣ на взмыленномъ конѣ прискакалъ казакъ, перекрикивая все еще гремѣвшее гдѣ-то вдали „ура“ и гулъ орудій, онъ прокричалъ на ухо полковнику:

— Приказано вашему высокоблагородію продвинуться впередъ, занять холмы передъ деревней и обстрѣливать городскую „щитадель“!

Онъ именно такъ и произнесъ слово цитадель вѣроятно, производя его отъ „щитъ“, а можетъ быть и отъ „щи“, но въ эту минуту никто даже не улыбнулся... Полковникъ поспѣшно переспросилъ:

— А что тамъ?

Казакъ уже почти повернулъ лошадь, но, услышавъ вопросъ полковника, осадилъ ее, наклонился съ сѣдла и вдругъ, самымъ фамильярнымъ тономъ, какъ говорятъ съ добрымъ товарищемъ, осклабился:

— Такъ наклали, ваше высокоблагородіе!.. ужъ такъ наклали, что и говорить, передовые окопы ихніе вплоть до забора, что тамъ виднѣется, все стрѣлки позабирали... подъ самымъ городомъ сидятъ... Наша сотня три раза во хлангъ у пики ходила... тамотка и шапку потерялъ...

И повернувъ коня, казакъ помчался прочь, потряхивая развѣвающимся по вѣтру чубомъ...

Трудно себѣ представить болѣе быстрый маневръ, чѣмъ тотъ, который продѣлала въ эту ми-

нуту батарея: какъ на полотнѣ кинематографа увидѣли мы откуда-то, словно изъ-подъ земли появившихся, отдохнувшихъ битюговъ съ передками, засуетились, замелькали люди, мимо пробѣжалъ поручикъ съ наблюдательнаго пункта, телефонистъ сбросилъ съ головы пріемники и поспѣшно накручивалъ на катушки свои проволоки, полковникъ уже сидѣлъ на конѣ, и вдругъ закричали всѣ сразу, слились въ одинъ вой ихъ команды вмѣстѣ со взвизгиваніемъ послѣднихъ запоздалыхъ австрійскихъ стакановъ, и дюжія откормленныя лошади рванули пушки и понеслись съ ними подъ гору.

Остались только свѣже вырытые окопики, да нѣсколько темныхъ фигуръ, распростертыхъ на землѣ—это были убитые.

Карьеромъ пересѣкла батарея поле, взметнулась на противоположные холмы, также быстро окопалась, навела орудія, телефонистъ разметалъ свою проволоку, а изобрѣтательный поручикъ взобрался для наблюденія на вершину мельницы, но открыть огня уже не пришлось.

Прискакалъ другой казакъ, такой же раскраснѣвшійся, на такомъ же взмыленномъ конѣ и крикнулъ кратко, ни къ кому не обращаясь:

— Не открывать огня!.. не приказано!.. наши въ городѣ!..

И эти слова произвели на солдатъ такое же дѣйствіе, какое производило на учебномъ полѣ приказаніе окончить занятія! Маски были сбро-

шены, Фадѣевы, Еремѣевы и ихъ пріятели отложили въ сторону свои патроны, прицѣлы и телефоны.

— Ай-да молодцы стрѣлки, вотъ такъ понаклали!.. не дали намъ и попалить-то... теперича австріяку совсѣмъ крышка... Какого вы мнѣнія, Миронъ Степанычъ?..

— Оно, вѣрно, соглашался здоровенный рыжій ѣздовой съ огненной бородой, изъ запасныхъ, ежли такимъ манеромъ и дальше пойдетъ, такъ, можно сказать, австріяцкому царю большой конфузъ.

И за эти пять минутъ отдыха было высказано множество мнѣній, множество взглядовъ самыхъ разнообразныхъ, но, какъ это ни странно, ни одного злобнаго слова, ни одной злорадной усмѣшки, наоборотъ, многіе соболѣзнующе покачивали головами и съ сожалѣніемъ говорили:

— Вотъ теперича и опять австріяцкому старичку непріятность сдѣлали...

— Дѣдушка-то ихній какъ, поди, гнѣваться будетъ...

Городъ дѣйствительно заняли... онъ пылалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, какъ подожженный съ разныхъ сторонъ костеръ, но по улицамъ уже двигались сѣрыя массы нашихъ солдатъ, уже стучали колесами пулеметы, а съ противоположной окраины доносилась жидкая перестрѣлка съ отступавшими австрійцами... По одной изъ улицъ съ развернутымъ знаменемъ, изодраннымъ въ клочья и покрытымъ пороховой гарью, двигался сплошной

сѣрой стѣной одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ, такъ славно сражавшійся въ этотъ день... Мѣдныя трубы весело выкрикивали маршъ, тяжело и солидно догонялъ ихъ глухими ударами турецкій барабанъ, стѣны домовъ, разбитыя снарядами и дымящіяся отъ начинающихся пожаровъ, отвѣчали музыкѣ покорнымъ эхо.

Мы прижались къ стѣнѣ, чтобы пропустить мимо себя этихъ людей, вступавшихъ въ завоеванный ими городъ, мы видѣли солдатъ съ запыленными, закоптѣлыми лицами, солдатъ съ австрійскими винтовками въ рукахъ, вмѣсто поломанныхъ русскихъ, солдатъ безъ фуражекъ съ повязанными головами и забинтованными руками, но всѣ они шагали бодро въ ногу, отбивая тактъ веселаго марша... Мы видѣли офицеровъ, видѣли ихъ спокойныя лица, ихъ забрызганные грязью солдатскіе сапоги и солдатскія сѣрыя шинели, мы отдали честь искалѣченному въ бояхъ ветерану—знамени, только что сдѣлавшемуся героемъ и свидѣтелемъ новыхъ подвиговъ, и наши сердца переполнились невыразимой гордостью и любовью къ нимъ: хотѣлось подойти, обнять и прижать къ груди каждаго изъ этихъ скромныхъ и не сознающихъ своей красоты и своего величія героевъ... . . .

. . . . . .

Мы возвращались назадъ черезъ поле... оно было изрѣзано глубокими рвами нашихъ и австрійскихъ окоповъ, усѣяно изломаннымъ оружіемъ и

брошенной аммуниціей, на немъ уже работали санитары.

Навстрѣчу намъ протянулись длинныя вереницы носилокъ, навстрѣчу намъ пришло множество солдатъ, опираясь другъ на друга и на плечо своихъ товарищей.

На носилкахъ лежали люди съ блѣдными землистыми лицами, вздрагивающіе и стонущіе при каждомъ толчкѣ, нѣкоторые были закрыты съ головой тѣми-же грубыми сѣрыми почетными шинелями... . . . . .

Земля была мѣстами притоптана и изрыта каблуками солдатскихъ сапогъ, въ глинѣ кое-гдѣ отпечатались даже слѣды рукъ упавшихъ людей, видимо здѣсь сошлись грудь съ грудью, быть можетъ уже бросивъ оружіе, просто въ рукопашную въ послѣдней борьбѣ не на животъ, а на смерть.

Послѣдняя трава затоптана въ грязь, не убранный хлѣбъ помятъ и погибъ, но пройдетъ годъ, и на этихъ поляхъ, удобренныхъ человѣческой кровью и украшенныхъ простыми маленькими крестами, связанными изъ двухъ сучьевъ, зашумятъ новые обильные всходы, и, раскачиваемая изъ стороны въ сторону освѣжающимъ лѣтнимъ вѣтромъ, заговоритъ золотая рожь неумолчно тысячами голосовъ въ честь погибшихъ на этихъ поляхъ героевъ:

„Желѣзомъ и кровью запечатлѣли вы подвиги ваши, и даже вереницы сѣдыхъ вѣковъ всесокрушающей десницей своей не разрушатъ памятника славы, воздвигнутаго вами!“

СЛАДКІЙ СОНЪ.

Только послѣ того, какъ умолкли сердитые выкрики орудій, дробная перебранка пулеметовъ, по змѣиному яростный свистъ ружейныхъ пуль, и рота, получивъ приказаніе отойти на вторую линію, вступила въ покинутую усадьбу богатѣйшаго имѣнія, гдѣ должна была расположиться бивуакомъ, люди замѣтили, что короткій осенній день уже догоралъ, что они проголодались и продрогли, и что нервное напряженіе предыдущихъ страшныхъ часовъ готово разрядиться при первомъ случаѣ самымъ неожиданнымъ образомъ.

Распоряженія отдавались отрывисто и исполнялись съ стремительной быстротой. Выставили посты. Задымила походная кухня. Посрединѣ двора запылалъ костеръ, вскидывая къ быстро темнѣвшему холодному небу веселые фейерверки золотыхъ искръ. Топили сучьями, наломанными въ фруктовомъ саду, гдѣ даже въ сумракѣ стыдливо рдѣли неубранныя прекрасныя яблоки и тускло желтѣли дюшесы. Солдаты столпились вокругъ огня, жадно подставляя пламени иззябшія руки и ноги. Многіе сушили промоченныя недавнимъ

дождемъ шинели, портянки, сапоги; кое-кто пытался привести въ порядокъ пострадавшую въ бою аммуницію. Пришивали пуговицы, задѣлывали прорѣхи. Кто-то сбѣгалъ на сѣновалъ позаботиться о мѣстѣ для ночлега. Въ сторонѣ слышалось фырканье и жеванье лошадей и переступанье копытъ по затвердѣвшей къ ночи землѣ.

Въ котелкѣ закипала вода для чая. Говорили еще мало и коротко, предаваясь чувству благосостоянія и уюта, такого сладкаго послѣ недавней опасности.

Ротный командиръ капитанъ Добрынинъ и подпоручикъ Алексѣй Сергѣевичъ Ивковъ поднялись по широкимъ ступенямъ каменной лѣстницы на веранду барскаго дома. Подъ ногами хрустѣли подмерзшіе почти черные листья, въ мраморныхъ вазахъ, изъ которыхъ одна была разбита и сброшена съ цоколя, печально доцвѣтали, поникнувъ головами, послѣднія астры. За стеклянной дверью двигался огонекъ фонаря. Это Кузовкинъ, денщикъ капитана, шелъ встрѣчать господъ офицеровъ.

— Ну, что Кузовкинъ, приготовилъ помѣщеніе?—спросилъ капитанъ, потирая озябшія руки.

— И холодина же на дворѣ, не дай Господь.

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, и въ домѣ не лучше. Окна вездѣ повыбиты, двери насквозь открыты. Спать дюже холодно будетъ.

— Ну, что дѣлать, все-таки лучше, чѣмъ въ полѣ; а ты вотъ что, другъ, затопи-ка по крайней

мѣрѣ каминъ. Видишь, махина какая, все-таки какое-нибудь тепло дастъ. Да задерни поплотнѣе занавѣски.

Говорившій стоялъ въ это время въ дверяхъ громадной столовой, выложенной дубовыми панелями, съ большимъ круглымъ столомъ посрединѣ и широкимъ венеціанскимъ окномъ напротивъ.

Черная пасть камина, облицованнаго цвѣтными изразцами, зіяла въ глубинѣ. Все вокругъ носило слѣды недавняго пребыванія непріятеля. У большого рѣзного буфета были разбиты дверцы, и драгоцѣнный хрусталь и фарфоръ валялся въ видѣ груды осколковъ на паркетѣ, слабо мерцало разрѣзанное широкой трещиной большое каминное зеркало, тяжелые дубовые стулья валялись опрокинутые. Весь столъ былъ уставленъ бутылками, похищенными изъ погреба, стаканами, рюмками и другими воспоминаніями объ оконченномъ пиршествѣ. Разбитое стекло противно хрустѣло подъ ногами.

— Фу ты, гадость какая,— брезгливо вымолвилъ капитанъ.

— Ты, братецъ, хоть прибери тутъ немного.

— Да и моего Ляшкова позови на помощь, гдѣ онъ запропастился,— прибавилъ молодой офицеръ. Онъ заговорилъ впервые послѣ долгаго промежутка, и голосъ его подъ высокимъ сводомъ потолка показался ему самому охрипшимъ и жалкимъ, въ горлѣ першило отъ дыма или отъ сырости, и мучительно хотѣлось откашляться.

— И свѣту бы еще немножко, а то прямо жутко.

— Это ничего, батенька, это нервы пошаливаютъ съ непривычки,—добродушно отозвался Добрынинъ, съ наслажденіемъ подставляя руки теплу растопленнаго денщикомъ камина.

— Такъ что, ваше благородіе, электрическіе провода всѣ оборваны, а вотъ сейчасъ огонь разгорится, такъ оно того, веселѣе станетъ. А я вашимъ благородіямъ сейчасъ ужинъ и чай соберу горяченькій — обернулся къ Ивкову солдатъ, не вставая съ колѣнъ и продолжая усердно раздувать пламя.

Огонь дѣйствительно разгорѣлся, но отъ этого не стало веселѣе. Фантастическія вспышки и переливъ свѣта выхватывали изъ сумрака обширнаго покоя то одинъ, то другой уголъ, то одну, то другую одинаково страшную подробность.

То загоралась алыми отблесками изорванная, казавшаяся окровавленной портьера, то выступало молочной, будто живой, бѣлизной прекрасное нагое тѣло на исколотой вилками картинѣ, то становилась видимой подъ столомъ на паркетѣ темная лужа жидкости, одинаково похожая на пролитое вино и на кровь.

Въ мракѣ пугала высокая дверь въ казавшуюся безконечной сосѣднюю комнату, вѣроятно залу, гдѣ смутно бѣлѣли цѣлые вороха какихъ-то одноцвѣтныхъ предметовъ, можетъ быть, сорванныя съ оконъ кружева, можетъ быть, осыпавшаяся

штукатурка или обломки разбитаго фарфора и мрамора.

Вернулся выходившій зачѣмъ-то Кузовкинъ и сообщилъ, что Ляшковъ пошелъ ихъ благородіямъ постель готовить, а гдѣ-то близко большое, должно быть, село горитъ.

— Поджегъ при отступленіи по своей извѣстной манерѣ,—проворчалъ Добрынинъ, сердито косясь на окно, гдѣ сквозь щель въ портьерѣ, которую не удалось достаточно плотно задернуть, въ самомъ дѣлѣ, виднѣлся край пурпурнаго неба, на фонѣ котораго причудливыми зигзагами качались обнаженныя черныя, печально скрипящія вѣтви деревъ.

Ивковъ тоже посмотрѣлъ въ ту сторону и болѣзненно поморщился. Ледяной вѣтеръ, отдувая тяжелую ткань занавѣсей, проникалъ въ комнату, колебля огонь въ фонарѣ. Было холодно и казалось, что руки и платье пропитались острымъ запахомъ крови, отъ котораго некуда дѣваться.

Кузовкинъ принесъ чай и солдатскихъ щей, которыя любилъ капитанъ; ѣлъ одинъ Добрынинъ, вкусно причмокивая съ ложки и облизывая усы. Ивковъ грѣлъ руки и стаканъ горячаго чая и чувствовалъ, какъ тяжелая лихорадочная дрожь распространяется по всему тѣлу, а въ вискахъ начинаетъ стучать.

— А это вы напрасно, батенька,—раздѣльно, между отдѣльными ложками щей говоритъ капитанъ, — лучше бы закусили, право. Аппетитъ

является во время ѣды, какъ говорятъ наши почтенные союзники. А главное, еще расхвораетесь, не дай Богъ.

— Спасибо, Василій Ивановичъ, вы на меня не обращайте вниманія,—слабо отозвался подпоручикъ,—мнѣ въ самомъ дѣлѣ нездоровится. Я бы лечь хотѣлъ поскорѣе. Только бы Ляшковъ приходилъ.

— Да, выспаться не мѣшаетъ.

— Это что и говорить... Да что такое съ вами, голубчикъ?—вдругъ въ тревогѣ воскликнулъ Добрынинъ.

Ивковъ внезапно поблѣднѣлъ и, опираясь руками о край стола, въ ужасѣ приподнялся со стула, вперивъ остановившій взоръ на темную дверь залы.

Въ пустомъ высокомъ помѣщеніи гулко и мягко отдались неслышные шаги; они приближались.

Чуть замѣтно колыхнулась портьера, и въ комнату медленно, будто нерѣшительно, вошло темное мохнатое существо, такое неожиданное въ обстановкѣ покинутаго разгромленнаго дома, что оба офицера въ первый моментъ растерялись и не сумѣли распознать въ немъ огромнаго рыжаго сенъ-бернара.

Печально опустивъ умную морду и пушистый хвостъ, животное осторожно и недовѣрчиво приближалось изъ темноты въ тѣсный кругъ освѣщеннаго пространства.

— Тьфу, ты, пропасть, вы и меня заразили своими нервами, Алексѣй Сергѣевичъ! Да опомнитесь вы, милый, вѣдь это песъ. Бѣдняга, о немъ вѣрно всѣ забыли, вотъ онъ и выползъ на нашъ голосъ.

Первымъ пришелъ въ себя Добрынинъ.

— На, Трезорка, Амишка, какъ бишь тебя, покушай щей, дружище. Ишь, голодный какой, да и красавецъ же,—залюбовался капитанъ.

Въ это время въ комнатѣ появилось новое лицо.

Дверь за спиной Василія Ивановича за пріоткрылась, и появилось улыбающееся, широкое лицо денщика Ляшкова, которому онъ напрасно старался придать выраженіе таинственности.

— Ваше благородіе, а, ваше благородіе, выдька сюда,—зашепталъ онъ громкимъ шопотомъ, видимо, съ трудомъ сдерживая смѣхъ.

— Что такое?—досадливо поднялся Ивковъ.

— Ляшковъ въ роли заговорщика! Это такъ занимательно, что я бы тоже не прочь узнать, въ чемъ дѣло,—заинтересовался Добрынинъ.

— Пойдемте и вы, ваше высокоблагородіе! Только не шумите, а то все дѣло пропадетъ.

И маленькій шустрый солдатикъ, поднимая передъ собою фонарь, быстро зашагалъ впереди.

Миновавъ двѣ-три комнаты, гдѣ произведенный разгромъ не позволялъ даже опредѣлить, каково было прежде ихъ назначеніе, вышли въ корридоръ, устланный мягкимъ ковромъ и оканчивавшійся широкой лѣстницей, ведшей во второй этажъ.

— Вотъ здѣсь, должно, господская спальня была, тутъ я вашему высокоб-родію постелю приготовилъ,—указалъ Добрынину солдатъ, проходя мимо одной изъ дверей,—а вотъ здѣся, вѣрно, барышня помѣщалась, здѣсь я вашимъ благородіямъ и штуку покажу.

Ляшковъ еще разъ сдѣлалъ офицерамъ знакъ двигаться безшумно и съ ловкостью фокусника проскользнулъ въ слѣдующую комнату.

Онъ не ошибся. Комната, очевидно, принадлежала дочери владѣльца имѣнія. Стѣны были обтянуты испачканнымъ и изорваннымъ нѣмцами свѣтлымъ шелкомъ, на туалетномъ столикѣ, среди разбросанныхъ бездѣлушекъ, валялись окурки сигаръ и папиросъ, какія-то объѣдки и пробки, бѣлье, кружева и ленты безпорядочно покрывали кресла и коверъ: видимо, уѣзжая поспѣшно, изъ выдвинутыхъ ящиковъ комода выбирали только самое необходимое.

Ляшковъ, а за нимъ офицеры на цыпочкахъ подошли къ кровати. Часть подушекъ была сброшена и бѣлѣла на полу у изголовья, атласное одѣяло было скомкано и странно топорщилось, пахло пролитыми духами, сапогами и табакомъ, а изъ глубины обшитыхъ кружевами простынь слышался здоровенный храпъ и сердитое пьяное урчанье.

— Что за чортъ! — вполголоса выругался капитанъ.

Ляшковъ быстро наклонился и приподнялъ

край одѣяла, изъ-подъ котораго выглянуло плечо съ погономъ германскаго офицера. Голова была скрыта подъ ворохомъ какихъ-то тряпокъ.

— Дозвольте доложить, ваше высокоб-родіе, нѣмецъ сраженіе проспалъ,—и, поднимая валяв-шуюся каску,—а каску замѣстъ плевательницы, поставилъ,—отрапортовалъ Ляшковъ и, не выдер-жавъ, прыснулъ со смѣху, за нимъ захохоталъ капитанъ, Ивковъ заразился общимъ весельемъ и, чувствуя, какъ выступаютъ на глазахъ слезы раз-рядившагося нервнаго напряженія, и проходитъ начинавшаяся лихорадка, принялся вмѣстѣ съ другими расталкивать спящаго плѣнника.

СТРѢЛОКЪ АКСЕНТЬЕВЪ.

Стрѣлокъ Аксентьевъ, призыва прошлаго года, частенько навлекалъ на себя неудовольствіе фельдфебеля, а иногда и ротнаго командира... Трудно давалось ему военное искусство, а въ особенности словесность: никакъ не могъ запомнить Аксентьевъ, „что такое знамя“, „каковы обязанности часового“, и съ трудомъ усваивалъ сложныя названія различныхъ частей винтовки.

Въ строю тоже Аксентьевъ былъ не силенъ; поминутно раздавались окрики фельдфебеля: „убери животъ“!.. „Аксентьевъ, гляди веселѣе“!, „доверни лѣвый носокъ“!, „не стой, какъ баба на базарѣ“!, и Аксентьевъ покорно подбиралъ животъ, доворачивалъ носокъ и старался всѣми силами постичь, что такое „взглядъ лихой, но безъ улыбки“.

Сперва съ Аксентьевымъ бился его дядька, затѣмъ принялся самъ фельдфебель и, наконецъ, обучивъ молодого стрѣлка самому необходимому, и тотъ и другой махнули на него рукой и доложили ротному командиру, что „чему возможно—обучили, а тонкостей всѣхъ Аксентьевъ все одно не пойметъ“!..

— Такимъ ужъ видно уродился, ваше высокоблагородіе,—какъ бы извиняясь, закончилъ фельдфебель, своей громадной лапой перебирая кантъ шароваръ.

Но это не значило, что для Аксентьева наступили часы покоя и что ученіе его закончилось: при каждомъ удобномъ случаѣ, во время ли занятій, или же въ караулѣ, каждый изъ унтеръ-офицеровъ старался напомнить ему и вдолбить, что „знамя есть священная хоругвь“ и т. д.

Вполнѣ естественно, что Аксентьевъ предпочиталъ занятіямъ словесностью все, что угодно—строевыя ученія, караулы, гимнастику и даже черныя работы, въ родѣ скалыванія льда или чистки картофеля, но все-же среди товарищей эта неспособность къ усвоенію устава сильно вредила его репутаціи.

Фельдфебель былъ человѣкъ рѣзкій и прямой; онъ съ презрѣніемъ поглядывалъ на Аксентьева, когда тотъ неуклюже и неловко взбрасывалъ на плечо винтовку или тщетно краснѣлъ и обливался потомъ, стараясь припомнить, „кому имѣетъ право отдать винтовку часовой“.

— И какой ты солдатъ? Ну, развѣ изъ тебя выйдетъ толкъ, скажи ты на милость? развѣ выйдетъ толкъ изъ такого оболтуса, какъ ты?—спрашивалъ иногда въ сердцахъ фельдфебель, разводя руками передъ самымъ носомъ Аксентьева, вытянувшаго руки по швамъ.

— Я тебя спрашиваю, развѣ можетъ такой

солдатъ, какъ ты, идти на войну, защищать Вѣру, Царя и Отечество? На что ты годенъ? И глупъ ты, да и трусливъ, навѣрно.

Аксентьевъ стоялъ, молча, передъ начальствомъ, вытянувшись и глядя прямо въ налившіеся кровью глаза фельдфебеля.

— Да не молчи ты, отвѣчай хоть что-нибудь, наказанье ты мое!..—злился тотъ, и Аксентьевъ, съ трудомъ выдавливая изъ себя слова, едва слышно, заплетающимся языкомъ, произносилъ:— не могу знать, радъ стараться, господинъ фельдфебель...

— „Не могу знать“..,—передразнивалъ фельдфебель, разводя руками, глаза бы мои не смотрѣли,—отмахивался, злобно сплевывалъ и отходилъ въ сторону, а вечеромъ, послѣ переклички, зайдя съ рапортомъ къ ротному командиру, сѣдоусый служака, огорченно покачивая головой, докладывалъ капитану, что „съ Аксентьевымъ никакой мочи нѣтъ и что все онъ строевого устава, постигнуть не можетъ“.

И Аксентьевъ самъ глубоко былъ огорченъ своими неуспѣхами и больше всего скорбѣлъ, когда фельдфебель говорилъ ему презрительно что такой, какъ онъ, на войнѣ „совсѣмъ пропадетъ, зря пропадетъ... ни за полушку“!..

И вотъ внезапно наступила война, та самая, которой такъ запугивали дядька и фельдфебель бѣднаго Аксентьева. Она пришла такъ внезапно, такъ неожиданъ былъ приказъ полку о выступле-

ніи, что никто даже не имѣлъ времени уколоть Аксентьева и напомнить ему, что вотъ теперь-то и наступилъ часъ дать отвѣтъ на томъ экзаменѣ, къ которому столько времени его безуспѣшно подготовляли.

Въ ясное жаркое утро полкъ выступилъ, вѣрнѣе, выѣхалъ; длинныя вереницы вагоновъ отползли отъ вокзала, переѣхали мостъ, и родной городъ остался гдѣ-то позади и скоро совсѣмъ исчезъ за зелеными холмами и темнымъ бордюромъ лѣса.

Богъ знаетъ, кому суждено было еще разъ увидѣть и этотъ вокзалъ, и эту высокую красную кирпичную водокачку, и пыль родныхъ улицъ, и родныя казармы, такія непривѣтливыя, но теперь кажущіяся сердцу безконечно близкими!..

И послѣ долгаго шестидневнаго путешествія по желѣзнымъ дорогамъ, однажды вечеромъ, когда поѣздъ остановился около платформы, залитой бѣлымъ яркимъ свѣтомъ электрическихъ шаровъ, было приказано вылѣзать изъ вагоновъ и выгружать обозъ.

Съ этого дня началась настоящая походная жизнь, съ ея обѣдами въ чистомъ полѣ, ночевками подъ открытомъ небомъ, „сторожевками“ и долгими маршами по пыльнымъ или размякшимъ отъ дождей дорогамъ.

Австрійцы отступали... Они уходили, тѣснимые передовыми линіями, и полкъ, въ которомъ служилъ Аксентьевъ, потратилъ почти еще недѣлю,

чтобы присоединиться къ нашимъ войскамъ, которыя, наконецъ, настигли непріятеля и заставили его принять бой.

Перестрѣливались изъ орудій съ самаго разсвѣта, но пѣхота вошла въ дѣло только послѣ полудня, когда удалось приблизиться шаговъ на восемьсотъ, окопаться и открыть огонь... И странно. Аксентьевъ, наклонявшій было голову подъ пѣніе сыпавшихся дождемъ пуль, привыкъ къ ихъ визгу и щелканью такъ же быстро, какъ и остальные, и такъ же, какъ и другіе беззаботно шутилъ, слыша завываніе и лязганье рвавшейся съ перелетами австрійской шрапнели.

— Ну, что, Аксентьевъ, небось, боязно?—окрикнулъ его взводный Рогожинъ.—Помирать-то не хочется?

Аксентьевъ быстро оглянулся:

— Никакъ нѣтъ, господинъ взводный, все одно, на людяхъ и помереть не страшно...

— Ишь ты, какой храбрый сталъ...—усмѣхнулся недовѣрчиво унтеръ-офицеръ, но въ эту минуту приказаніе цѣпи продвинуться впередъ прервало ихъ разговоръ.

Въ третьемъ часу дня, когда уже люди совсѣмъ втянулись въ это новое для нихъ и опасное дѣло, первый разъ ходили въ атаку.

Аксентьевъ, да, вѣроятно, и остальные, сперва не могли думать безъ нѣкотораго волненія о томъ, какъ это придется встать во весь ростъ подъ дождемъ стали и свинца и бѣжать прямо навстрѣчу

жужжащимъ пулямъ и высунувшимся изъ окоповъ австрійскимъ штыкамъ.

Но съ той минуты, когда ротный командиръ, такъ безстрашно выскочилъ впередъ окоповъ и крикнулъ: „Впередъ, ребята, ура!!“ весь страхъ, всѣ колебанія мгновенно исчезли, подхватилъ всѣхъ невѣдомый могучій вихрь, и, не помня себя, не видя передъ собою ничего, кромѣ спинъ впереди бѣгущихъ солдатъ, всѣ устремились неудержимой сѣрой массой къ линіямъ австрійскихъ окоповъ, внезапно затянувшихся голубой вуалью порохового дыма.

Это былъ какой то восторгъ, какое то опьяненіе, какого еще никогда не испытывалъ Аксентьевъ, онъене замѣчалъ падавшихъ вокругъ него людей, не видѣлъ блеска пламени разрывающихся совсѣмъ близко снарядовъ, онъ бѣжалъ, увлекаемый толпой и увлекая ее за собою, навстрѣчу вспыхивающимъ огонькамъ выстрѣловъ, вплетая свой голосъ въ неистовое „ура“, отъ котораго содрогалась, казалось, сама земля. И пришелъ онъ въ себя только, когда увидѣлъ совсѣмъ близко незнакомые окопы, незнакомыя лица и голубые мундиры непріятельскихъ солдатъ... Онъ размахнулъ винтовкой, ударилъ кого-то штыкомъ, отмахнулся отъ кого-то прикладомъ и передъ глазами его мелькнуло, залитое кровью, искаженное ужасомъ, лицо врага.

Аксеньтьевъ видѣлъ вокругъ себя товарищей, такъ же лихо работавшихъ штыками, какъ и онъ,

видѣлъ унтеръ-офицера Рогожина, своего взводнаго, отбивавшагося отъ здоровеннаго австрійца, безтолково размахивавшаго прикладомъ, и вдругъ какая то сила заставила стрѣлка повернуть голову налѣво: на краю окопа стоялъ сѣдоусый фельдфебель, въ рукахъ его прежде всего Аксентьевъ замѣтилъ поломанную шашку и револьверъ, который фельдфебель держалъ теперь уже за дуло, очевидно, выпустивъ всѣ патроны. На него насѣдали трое австрійцевъ, и старикъ, лишившійся оружія, былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи.

Въ эту минуту Аксентьевъ не подумалъ ни о чемъ, кромѣ того, что фельдфебеля сейчасъ заколютъ австрійцы и что этого никакъ нельзя допустить. Онъ кинулся впередъ, одинъ противъ троихъ, и закричалъ не своимъ голосомъ:

— Держитесь, господинъ фельдфебель!.. Иду!..

Фельдфебель отскочилъ вправо, вмѣсто него уже блеснулъ своимъ штыкомъ Аксентьевъ, какъ въ эту минуту, что-то грохнуло, озарило пламенемъ, оглушило, сбило съ ногъ и смѣшало всѣхъ, и Аксентьева, и троихъ австрійцевъ, въ одну кашу человѣческаго мяса и разбитыхъ костей...

Они всѣ четверо были убиты однимъ разорвавшимся среди нихъ чемоданомъ.

И пораженный, еще не пришедшій въ себя, стоялъ въ сторонѣ, опустивъ поломанную шашку, сѣдоусый фельдфебель... Что онъ думалъ? Кто знаетъ!.. Но въ эту минуту онъ, конечно, сожа-

лѣлъ искренно, всей душой, что не могъ отблагодарить своего неспособнаго ученика, хотя бы послѣднимъ поцѣлуемъ.

Отъ стрѣлка Аксентьева не осталось ничего,— валялась на днѣ окопа только его погнутая и исковерканная винтовка; онъ погибъ, но жива память о прекрасномъ подвигѣ одного изъ невзрачныхъ, сѣрыхъ героевъ...

ИЗЪ НѢМЕЦКАГО ПЛѢНА.

Одну минуту казакъ Лапшинъ думалъ, что ему не избѣжать плѣна.

Окруженный 10—12 кавалеристами, онъ отчаянно отбивался отъ насѣдавшихъ нѣмцевъ и какъ то совсѣмъ неожиданно случилось, что, падая съ убитой подъ нимъ лошади, Лапшинъ остался незамѣченнымъ своими врагами и, чудомъ, не раздавленнымъ ихъ лошадьми.

Надъ нимъ рвалась шрапнель, гудѣли снаряды и увлеченныя бѣшенымъ порывомъ доканчивали схватку отдѣльныя группы всадниковъ.

Ранъ у Лапшина не было, по крайней мѣрѣ, серьезныхъ, кое-какіе только неглубокіе уколы нѣмецкими пиками, но пулевая, сквозная въ руку, все же ослабила его и мѣшала свободно двигаться.

Лежа около своей убитой лошади среди труповъ и изломаннаго оружія первую минуту оглушенный паденіемъ, вскорѣ придя въ себя, Лапшинъ разсудилъ, что чѣмъ дольше онъ пролежитъ, напоминая собою убитаго, тѣмъ это будетъ для него выгоднѣе... Дѣйствительно, попасть въ

плѣнъ къ нѣмцамъ было не заманчиво, а кто сейчасъ владѣлъ тѣмъ участкомъ поля, на которомъ лежалъ оглушенный Лапшинъ, — онъ не зналъ... Встать, пойти, разыскать оружіе и отбиваться отъ цѣлой своры непріятелей — это Лапшинъ находилъ неостроумнымъ и предпочелъ дождаться ночи.

Былъ шестой часъ.

Бой еще не затихалъ, но перешелъ на большую дистанцію, и казакъ поминутно слышалъ унылый, протяжный вой посылаемыхъ съ той и другой стороны гранатъ.

Далекая ружейная перестрѣлка казалась едва слышной трескотней.

Около Лапшина лежало еще человѣкъ восемь,— все нѣмцы и только одинъ казакъ, здоровый дѣтина Старшиновъ съ пораненной саблею головой...

„Неужто убили, черти“ — подумалъ Лапшинъ, глядя на мертвенно блѣдный лобъ товарища.

Онъ хотѣлъ подползти, прислушаться къ его дыханію, но послѣ вспомнилъ принятыя предосторожности и рѣшилъ „до ночи потерпимъ“.

Отъ потери ли крови, или просто отъ усталости, но казакомъ скоро овладѣла непреодолимая сонливость и онъ задремалъ, равнодушный къ гулу орудій и шуму замолкавшаго уже боя.

Враги уже разошлись, и ружейный огонь замолкъ, когда Лапшинъ пришелъ въ себя отъ пробирающагося въ одежды холода и ноющей боли въ рукѣ.

Небо уже было темное, усыпанное жемчугомъ звѣздъ, поле тихое, пустынное, только изрѣдка вдали бухалъ орудійный выстрѣлъ и снарядъ съ воемъ пролеталъ гдѣ-то вверху.

Кругомъ на травѣ, взрытой снарядами и копытами коней, попрежнему неподвижно лежали тѣла убитыхъ, словно уснувшихъ людей.

Лапшинъ вспомнилъ о товарищѣ:

„Надо посмотрѣть его, бѣднягу... можетъ, живъ еще... дотащу до своихъ, нѣмцы-то никакъ отступили“.

И подумавъ это, Лапшинъ уже началъ ползти къ товарищу, какъ вдругъ внезапно остановился и припалъ къ землѣ.

Одинъ изъ труповъ вдругъ зашевелился. Лапшинъ ясно видѣлъ, какъ, опасливо оглядываясь, поднялась и встала на колѣни темная фигура въ синемъ пальто и на четверенькахъ поползла, заглядывая въ лица убитыхъ.

„Вотъ такъ покойникъ...—развелъ руками казакъ,—и чего это ему, негодяю, въ эту пору въ такомъ мѣстѣ нужно?

Между тѣмъ ожившій трупъ проползъ мимо нѣсколькихъ убитыхъ, какъ замѣтилъ Лапшинъ—нѣмцевъ, остановился и замеръ около неподвижно лежащаго на землѣ Старшинова.

— Э-э, братъ...—пробормоталъ Лапшинъ, стараясь безшумно приблизиться къ мародеру.

Раскинувъ широкія полы плаща надъ раненымъ казакомъ, нѣмецкій солдатъ быстро привычной

рукой обшаривалъ его, доставая изъ кармана кошелекъ и силясь снять съ шеи крестъ... Покончивъ съ этимъ дѣломъ и все еще не замѣчая притаившагося за нимъ казака, нѣмецъ уже обнажилъ свой длинный пилообразный штыкъ, готовый прикончить Старшинова, какъ Лапшинъ, собравъ послѣднія силы и нащупавъ здоровой рукой чей-то револьверъ, не цѣлясь выстрѣлилъ въ темную фигуру мародера.

Когда нѣмецъ упалъ и фонарикъ его, выпавшій изъ-подъ шинели, освѣтилъ небольшой участокъ поля, Лапшинъ увидѣлъ тотчасъ-же еще нѣсколько труповъ, внезапно ожившихъ и поспѣшно удиравшихъ.

— Ахъ, во́роны проклятые,—вслухъ выругался онъ и пустилъ въ догонку еще пару пуль.

Выстрѣлы гулко прозвучали надъ безмолвнымъ темнымъ полемъ, но Лапшинъ, позабывъ предосторожности, спѣшилъ приблизиться къ своему товарищу.

Казакъ былъ живъ, но раненъ въ голову и сильно ослабъ.

Отбросивъ трупъ убитаго имъ мародера, Лапшинъ наклонился къ раненому:

— Живъ ты, братецъ, а?..

Старшиновъ открылъ глаза и попытался улыбнуться.

— То-то живъ...—уже радостно произнесъ Лапшинъ,—а опоздай я, такъ, пожалуй, пришлось-бы и помирать... ишь ты пила-то у нѣмца какая,—

добавилъ онъ, показывая раненому выпавшій изъ рукъ германскаго солдата штыкъ...—ну, братъ... однако говорить тутъ нечего, а надо намъ съ тобой до своихъ добираться.

Но едва успѣлъ произнести эти слова казакъ, какъ вдругъ почувствовалъ себя сзади схваченнымъ мощными руками и поднятымъ въ воздухъ.

Это былъ ночной нѣмецкій разъѣздъ, привлеченный одинокими выстрѣлами.

Лапшинъ не понималъ, что говорили ему здоровенные нѣмецкіе кирасиры, везя его и Старшинова въ деревню: онъ только думалъ въ эту минуту о неудачахъ которыя его преслѣдовали: и раненъ и въ плѣнъ попалъ.

Кирасиры между собою весело перекликались, видимо, довольные тѣмъ, что взяли въ плѣнъ двухъ казаковъ.

„Вѣдь они, кажется, нашему брату въ плѣну уши рѣжутъ“,—вспомнилъ разсказы товарищей Лапшинъ, и невольно дрожь пробѣжала по его тѣлу.

Между тѣмъ, на горизонтѣ вырисовались силуэты черныхъ избъ и колокольни.

— Вѣрно, сюда,—подумалъ казакъ...

Дѣйствительно, кирасиры въѣхали въ молчаливую улицу деревни и остановились около большой избы, у дверей которой развѣвался германскій флагъ.

Съ руганью сбросили казаковъ на землю, положили у забора во дворѣ подъ навѣсомъ, и одинъ

изъ „побѣдителей“ далъ имъ понять, что допросъ будетъ утромъ.

„Дѣлать нечего“,—пробормоталъ Лапшинъ.

Остатокъ ночи пролежали оба раненые казака на влажной травѣ, глядя въ свѣтлѣющее небо, гдѣ гасли одна за другой брилліантовыя звѣзды, и думали о далекомъ Донѣ и о родныхъ станицахъ.

Подъ утро забылись дремотой...

Разбудилъ ударъ прусскаго сапога...

— Вставайте, русскія свиньи“...

Словъ Лапшинъ не понялъ, но всталъ.

Подошелъ бритый зализанный маіоръ со свитой, спрашивалъ, тщательно отмѣчая въ записной книжкѣ отвѣты, о численности русскихъ силъ, о номерахъ дивизій, ихъ расположеніи и т. д.

Лапшинъ городилъ всякій вздоръ, въ душѣ посмѣиваясь: этотъ допросъ его даже разсмѣшилъ.

Еще слабый, но уже ободрившійся Старшиновъ понялъ замыселъ товарища и тоже разсказывалъ нѣмцамъ небылицы.

Наконецъ, допросъ былъ оконченъ, и маіоръ, бросивъ короткое слово „раздѣть“, пошелъ въ избу.

Когда кирасиры набросились на казаковъ съ цѣлью ихъ раздѣть, Старшиновъ почувствовалъ, что это и есть начало тѣхъ пытокъ, о которыхъ онъ столько слышалъ... Мысль работала, воспаленный мозгъ не находилъ выхода изъ положенія,

между тѣмъ нѣмцы уже хохотали надъ голыми казаками...

Осѣненный-ли внезапной идеей или же просто повинуясь чувству самосохраненія, стремясь оттянуть страшныя минуты, Старшиновъ дикимъ, но радостнымъ голосомъ, оборотясь къ полю лицомъ, крикнулъ:

— Братцы... сюда... наши, казаки, ура...

Понялъ ли его планъ Лапшинъ, или просто воспользовался минутой замѣшательства нѣмцевъ, бросившихся частью вразсыпную, частью къ ружьямъ, но онъ, оттолкнулъ маіора, вырвалъ изъ его рукъ повода и, вскочивъ на маіорскую лошадь, принялъ на сѣдло Старшинова и галопомъ помчался въ поле.

Австрійскій конь, испуганный непривычнымъ дикимъ казачьимъ гикомъ и посвистомъ, мчался какъ обезумѣвшій, далеко оставляя погоню.

Въ полѣ казаковъ, конечно, не было и въ поминѣ... только мчался по влажной еще травѣ испуганный конь съ двумя нагими всадниками.

— „Хоть голые, да у своихъ!“...—радостно произнесъ Лапшинъ, когда близъ лѣса показались знакомые силуэты казачьяго разъѣзда съ пиками.

ПОДЪ ШРАПНЕЛЬЮ.

Цѣлые 8 дней, пока безконечно длинный воинскій поѣздъ везъ насъ поперекъ всей Россіи на западъ, говорили много въ офицерскомъ вагонѣ о предстоящихъ дѣлахъ, разспрашивали побывавшихъ на японской войнѣ офицеровъ о переживаніяхъ впервые попадающихъ въ бой, но самое это короткое слово, самое представленіе о сраженіи не имѣло той жуткой остроты, какую оно пріобрѣло въ это ясное августовское утро, когда казачьи разъѣзды донесли, что непріятель въ 6 – 8 верстахъ.

— Навѣрно, сегодня будетъ бой... — сказалъ ротный командиръ, и у насъ у всѣхъ, вѣроятно, явилось вдругъ тревожное сознаніе неизбѣжности того, для чего, собственно, мы сюда пріѣхали и къ чему мы всѣ усердно себя подготовляли...

Первые бѣлые клубочки разрывающейся въ голубомъ небѣ шрапнели не показались угрожающими и не внушили страху, наоборотъ, солдаты подсмѣивались надъ австрійскими артиллеристами, снаряды которыхъ рвались или слишкомъ высоко или давали перелетъ...

Подъ огнемъ этой, рвущейся слишкомъ высоко и въ сторонѣ шрапнели, солдаты спокойно отды-

хали по обѣ стороны дороги, раскуривали цыгарки и бѣгали къ ближайшему колодцу за водой.

Когда, послѣ большого привала, насъ двинули впередъ, мы прошли черезъ большое село, почти покинутое жителями и, выходя въ поле, огибали невысокій холмъ, на которомъ расположился штабъ дивизіи.

Начальникъ дивизіи, красивый старый генералъ съ холеными сѣдыми бакенбардами, стоялъ впереди, и меня поразило выраженіе его лица и тотъ пристальный взглядъ, которымъ онъ провожалъ каждую шеренгу этихъ однотонно одѣтыхъ во все сѣрое солдатъ.

Послѣ, когда бой кончился, когда мы заняли спаленное артиллеріей и заваленное австрійскими трупами село, когда стали собирать и провѣрять роты, я понялъ его взоръ и задумчивое лицо...

Черезъ полчаса загремѣли невидимыя непріятельскія пушки, проснулся и зашумѣлъ тихій лѣсъ, загудѣло въ воздухѣ отъ несущейся стали, вздрогнула земля, взрытая разорвавшимся отъ удара снарядомъ, и зажужжали пули, ударяя въ деревья, землю, въ людей и сбивая съ вѣтокъ листья.

Та грань, которая, какъ мнѣ казалось, должна была существовать между „походомъ“ и „боемъ“ и которую я такъ старался уловить, ускользнула отъ моего вниманія, стерлась вовсе, быть можетъ... Какъ-то незамѣтно, отъ мирнаго шаганія по пыльнымъ дорогамъ, отъ приваловъ и дневокъ, перешли къ окопамъ, цѣпямъ и шрапнельному дождю...

Невидимый врагъ, откуда-то изъ-за возвышенности бросалъ въ насъ стальные стаканы, разрывающіеся и засыпающіе свинцовымъ дождемъ, наши пушки коротко, твердо и сердито ухали въ отвѣтъ, и суета прислуги около орудій, командные возгласы, все это было, какъ на ученьѣ—хладнокровно, выдержанно и увѣренно.

Первые часы наша рота бездѣйствовала; лежа на опушкѣ лѣса, гдѣ мы должны были охранять артиллерію, и съ интересомъ наблюдая за поединкомъ нашей и австрійской батарей, мы были скорѣе похожи на мирныхъ зрителей, чѣмъ на солдатъ, расположенныхъ подъ огнемъ.

И испытать настоящій страхъ, страхъ, котораго я не стыжусь, и который, мнѣ кажется, должно испытать всякое живое существо, пришлось въ тѣ мгновенія, когда австрійцы, видимо, измѣнивъ прицѣлъ, начали засыпать шрапнелью опушку лѣса.

Вскорѣ, впрочемъ, насъ двинули впередъ... Наша батарея сбила австрійскую, она замолкла, и надъ возвышенностью потянулся черный дымъ загорѣвшейся деревни... Уѣзжая, артиллеристы кричали „ура“ и махали намъ шапками, и мы шли бодрѣе, хотя уже начали пѣть вокругъ насъ ружейныя пули и щелкали, ударяясь въ стволы деревъ.

Цѣлый день медленнымъ, крадущимся движеніемъ, перебѣгая отъ кочки къ пню, отъ канавки къ складкѣ мѣстности, двигались наши цѣпи на-

встрѣчу австрійцамъ, засѣвшимъ въ окопахъ пылающей деревни. Методично, не обращая вниманія на отстающихъ и уползающихъ назадъ раненыхъ, сбросившіе стѣсняющую аммуницію, сѣрые солдатики, не спѣша, хладнокровно заряжали винтовки, прикладывались и, выбирая цѣль—стрѣляли.

Въ окопахъ виднѣлись черныя спрятавшіяся фигурки враговъ, и въ нихъ-то и цѣлили наши стрѣлки.

Неизбѣжность атаки назрѣвала длительно, и безостановочно; участился огонь, затрещали пулеметы, уже совсѣмъ близко, шагахъ въ 200 виднѣлись въ окопахъ сѣро-синіе ландштурмисты, когда хлынула на нихъ волна загорѣлыхъ, запыленныхъ молодцовъ въ плоскихъ фуражкахъ съ винтовками на перевѣсъ.

Въ узкомъ пространствѣ глубокихъ окоповъ, заваленныхъ австрійскими трупами, нѣсколько минутъ отчаяннаго молчаливаго боя съ тѣми изъ противниковъ, которые не успѣли убѣжать.

Ландштурмисты не отличаются храбростью и не выдерживаютъ бѣшенаго штыковаго удара нашей пѣхоты.

Они бѣжали, спотыкаясь о трупы, падая, поднимаясь и опять мелькая по озареннымъ пожаромъ улицамъ... Изъ оконъ разгромленныхъ домовъ трещали поставленные въ нихъ пулеметы, за каждымъ угломъ стерегла опасность, на каждомъ шагу грозила смерть.

И выбивъ отчаяннымъ, стремительнымъ уда-

ромъ въ штыки изъ деревни многочисленнаго непріятеля, мы прошли ее отъ заставы до заставы среди пылающихъ и разрушенныхъ строеній... Нервы уже не воспринимали остроты новыхъ ощущеній, послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія и нерѣшимости въ началѣ боя, подъ вліяніемъ первой опасности, перваго вида крови, теперь они отупѣли, осталась одна жажда движенія впередъ, жажда дѣятельности ужасной, разрушительной и смертоносной.

Сзади по пройденному полю, усѣянному разбросанными тамъ и тутъ трупами, тянулись колонны свѣжей дивизіи русскихъ, уже въ сумеркахъ, грохоча невидимыми колесами, выѣзжала на новую позицію артиллерія. Гулъ боя умолкалъ.

Небо было темно-багровое отъ пожаровъ и тянулись по нему черныя зловѣщія полосы дыма.

На громадномъ пространствѣ поля маячили фонари санитаровъ, подбиравшихъ раненыхъ.

Въ балкѣ около лѣса были братскія могилы...

ПОТЕРЯННЫЙ КРЕСТЪ.

(Эпизодъ).

Казакъ Ткачевъ лежалъ на днѣ глубокаго оврага, куда онъ упалъ сброшенный съ коня взрывомъ разорвавшейся шрапнели.

Пришелъ онъ въ себя глубокой ночью и первое, что увидѣлъ, былъ черный бархатный куполъ неба, усыпанный миріадами свѣтлыхъ мерцающихъ точекъ.

Было холодно, и ночная роса леденила тѣло...

Тонкая шинель, надѣтая еще съ вечера, промокла и не грѣла больше.

Поза была неудобная, и Ткачевъ захотѣлъ повернуться. Но при первомъ же движеніи острая боль, какъ клещами, схватила его за шею съ двухъ сторонъ около ушей и заставила снова выпрямить голову и не шевелиться.

Тогда казакъ началъ медленно поворачивать на бокъ все туловище вмѣстѣ съ головой, не тревожа шеи... Повернулся на бокъ и сразу почувствовалъ страшный холодъ.

„Шинель бы гдѣ достать, укрыться“... подумалъ Ткачевъ.

Справа и слѣва во мракѣ ночи въ глубинѣ оврага шевелились какія-то, странныхъ очертаній, фигуры, какіе-то люди, неизвѣстно, свои или враги.

Они приподнимались, старались ползти, но падали или оставались сидѣть, держась за голову руками, стонали страшными голосами, полными отчаянія и ужаса.

Ткачевъ тоже попробовалъ ползти... ему это не составляло труда, такъ какъ руки его и ноги были цѣлы, а рана въ шею не давала только вертѣть головой.

Но что-то, лежащее рядомъ, мѣшало.

Ткачевъ наклонился и посмотрѣлъ. Это былъ мертвый.

Ткачевъ перекрестился...

„Шинель съ его снять, что ли, да укрыться“...

Застывшіе пальцы съ трудомъ разстегнули пряжки аммуниціи и пуговицы пальто убитаго австрійскаго солдата, большихъ трудовъ стоило Ткачеву высвободить изъ рукавовъ закоченѣвшія руки, а наконецъ шинель была снята.

— Извини, сердешный, добродушно пробормоталъ казакъ, натягивая на себя австрійскую одежду, тебѣ таперича шинель-то ни къ чему... а мнѣ, хоша она и тонкая, пригодиться можетъ.

И словно въ отвѣтъ на слова Ткачева гдѣ-то совсѣмъ близко раздался стонъ... сперва тихій, потомъ словно приблизившійся...

Ткачевъ прислушался.

„Вѣрно еще забытый какой“...

Онъ поднялся на ноги и едва удержался.

Отъ потери крови голова кружилась, и шея ныла, словно стянутая веревкой.

Но казакъ, постоявъ нѣсколько минутъ на мѣстѣ, набрался силъ и, спотыкаясь о лежащихъ людей и разбросанное оружіе, пошелъ ощупью по направленію неумолкавшихъ стоновъ.

Раненый лежалъ, или, вѣрнѣе, полулежалъ около самаго выхода изъ оврага въ лѣсъ... Голова его покоилась значительно выше ногъ, и самъ онъ словно стоялъ, прислоненный спиной къ крутому скату.

Въ темнотѣ ночи выдѣлялось его лицо своей бѣлизной и большими широко открытыми и полными страданія и ужаса глазами.

Онъ былъ австріецъ... Ткачевъ различилъ это сразу по его кепи коробочкой, какимъ-то чудомъ все еще украшавшему его голову, но тѣмъ не менѣе казакъ подошелъ къ нему безъ опасенія.

— Чего ты, братецъ?.. спросилъ онъ, словно забывая, что раненый не понимаетъ его языка.

Австріецъ произнесъ нѣсколько словъ, которыхъ казакъ не понялъ, и продолжалъ глядѣть умоляющими собачьими глазами.

— Пить, что ли, хочешь?.. переспросилъ Ткачевъ, показывая на ротъ.

Австріецъ закивалъ головой...

— Это можно... отчего же... мы всегда... заговорилъ почти весело казакъ, чрезвычайно обрадо-

вавшійся и оживившійся послѣ встрѣчи съ австрійцемъ, и началъ снимать съ себя баклажку съ грязной вонючей водой, набранной изъ какой-то лужи на дорогѣ.

Наклонившись къ раненому и протягивая ему ко рту фляжку, Ткачевъ замѣтилъ на воротникѣ его синяго мундира золотой галунъ и три звѣздочки.

Очевидно, раненый былъ офицеръ и по мгновенно возникшему предположенію казака—подполковникъ.

И въ первую минуту, поддавшись глубоко впитавшемуся чувству не дисциплины, нѣтъ... а просто привычнаго уваженія къ офицеру, Ткачевъ поспѣшно и ласково заговорилъ:

— Пейте, пейте, Ваше Высокоблагородіе, на здоровье...

Австріецъ слушалъ непонятную ему рѣчь и жадно тянулъ мутную вонючую воду.

Кругомъ было темно и тихо, и казакъ съ австрійскимъ маіоромъ были одни среди этого царства мертвыхъ и умирающихъ.

Ткачевъ бережно закупорилъ баклажку и повѣсилъ ее черезъ плечо; только тутъ замѣтилъ онъ, что, произнося вопросительно какое-то непонятное ему слово, раненый нѣсколько разъ дергалъ за полу или проводилъ рукой по обшлагу снятой Ткачевымъ съ австрійца шинели.

Казакъ понялъ.

— Видно ты, Ваше Высокоблагородіе, меня за австріяка принималъ а?.. удивляешься, что я—твой, а понять твоего языка не могу? Русскій я, Ваше В-діе... русскій, казакъ... понимаешь „казакъ“,— повторилъ нѣсколько разъ внимательно Ткачевъ...

Но разъясненіе было излишне: австрійскій маіоръ сразу понялъ это страшное для него слово, лицо его выразило такой ужасъ, такое страданіе, что даже мало наблюдательный станичникъ понялъ все и пожалѣлъ его.

Вѣроятно, основываясь на томъ, что маіоръ его не понимаетъ, но все же, считая долгомъ отдавать офицеру, хотя и непріятельскому, извѣстную долю уваженія, Ткачевъ продолжалъ называть австрійца „Ваше В-діе“, но обращался къ нему на „ты“...

— Не пугайся, Ваше В-діе,—успокаивалъ казакъ, не съѣмъ!.. хоша и казакъ. Куда ты раненъ-то Ваше Высокоблагородіе?

Офицеръ не понялъ...

Тогда Ткачевъ указалъ на свою окровавленную шею.

Маіоръ быстро залепеталъ что-то, указывая на грудь и на руку.

— Въ грудь и руку... вотъ оно что...—рѣшилъ казакъ—ну, это Ваше Высокоблагородіе,—ничего, главное, что ноги цѣлы... итить мы съ тобой можемъ, а то мѣсто здѣсь нехорошее, народу что полегло, не дай Богъ!

Говоря это, Ткачевъ одновременно снялъ съ убитаго русскаго пѣхотинца скатку и распустилъ ее.

— Вотъ, Ваше В-діе... шинель надѣнь, а то братъ, ты весь прозябъ... ишь,—зубъ на зубъ не попадаетъ.

Австріецъ попытался приподняться и Ткачевъ не безъ труда одѣлъ его въ русскую шинель.

Толстое сукно сразу согрѣло раненаго маіора, онъ сѣлъ, потомъ съ помощью казака всталъ на ноги и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

Ходить онъ могъ, только держалъ онъ свое длинное тѣло прямо, какъ палку, и далеко въ сторонѣ отъ него несъ прострѣленную, наскоро перевязанную руку.

— Такъ, такъ... Ваше В-діе, шагай, шагай, да обопрись на меня покрѣпче... такъ мы съ тобой и пойдемъ, къ нашимъ, значитъ... меня за тебя, поди, крестомъ наградятъ... да и тебѣ отъ нашихъ обиды не будетъ... у насъ ребята все славные.

Маіоръ, конечно, ничего не понималъ, но покорно шелъ, опираясь на руку и плечо казака.

Ему было все-равно.

Да развѣ могло быть что-нибудь худшее для забытаго на полѣ въ холодную ночь человѣка съ прострѣленной грудью, обреченнаго на медленную голодную смерть.

И, шагая осторожно въ темнотѣ черезъ трупы лошадей и людей, поминутно скользя ногами въ ямы, вырытыя ударами шрапнели, оба раненыхъ, казакъ и австрійскій маіоръ, медленно двигались въ ту сторону, гдѣ, по мнѣнію Ткачева, должны были находиться русскіе.

Ткачевъ велъ, бережно поддерживая, австрійскаго маіора, думая о томъ, что теперь за плѣннаго штабъ-офицера ему навѣрное дадутъ георгіевскій крестъ, и это на минуту заставляло его забыть тупую непрерывную боль.

Маіоръ не думалъ ни о чемъ, кромѣ теплаго пріюта и ѣды.

Шли они долго, молча и наконецъ изнемогли...

Рука раненаго скользнула съ плеча казака, австріецъ опустился на колѣни; онъ тяжело дышалъ, и дыханье вырывалось изъ прострѣленной груди со свистомъ и клокотаньемъ.

Казакъ тоже остановился и сѣлъ.

Кругомъ было такъ же темно и тихо.

Изъ района поля битвы еще не вышли, кругомъ такъ же валялись тѣла людей, опрокинутый зарядный ящикъ нелѣпо торчалъ вверхъ во мракѣ однимъ колесомъ.

Маіоръ полулежалъ, опершись головой на какой-то трупъ.

— Спи, Ваше В-діе, спи, а я посторожу... предложилъ казакъ, объясняясь жестами... а на утро опять до нашихъ пойдемъ.

Но заснулъ и самъ казакъ.

Снились ему странные сны, то тяжелые, какъ кошмаръ, то волшебно-прекрасные... снилась ему вчерашняя битва, ураганъ казаковъ, искаженныя ужасомъ лица австрійскихъ пѣхотинцевъ, грезилось ему о завтрашней встрѣчѣ его съ плѣннымъ въ лагерѣ, похвалы, награда, возвращеніе послѣ

войны въ родную станицу съ крестомъ на груди.

Проснулся Ткачевъ внезапно отъ сухого, громкаго выстрѣла... сѣлъ и не сразу опомнился.

Кругомъ было уже свѣтло: солнце, восходящее, розовое озаряло громадное поле вчерашней битвы.

Австрійскій маіоръ лежалъ около Ткачева, но уже въ другой позѣ: все лицо его было залито кровью и глаза глядѣли безсмысленно и мертво.

Около него полулежалъ австрійскій солдатъ съ дымящимся еще револьверомъ въ рукѣ... Онъ добилъ австрійскаго маіора, переодѣтаго въ русскую шинель, пулею въ лобъ, принявъ его за раненаго русскаго солдата.

* * *

Въ госпиталѣ Ткачевъ былъ молчаливъ и грустенъ, хотя рана его больше не болѣла.

— Что это вы, Ткачевъ, такой скучный все? спрашивала его „сестра“.

— Жалко мнѣ... пропалъ вѣдь онъ то...

— Это креста то жалко?.. — переспрашивала сестра,—ну, конечно, жалко, могли бы получить если бы дотащили вашего маіора, только грустить не стоитъ—еще заслужите...

— Да не креста... не о крестѣ я говорю, сестрица,—тихо говорилъ казакъ,—Господь съ нимъ... австріяцкаго подполковника мнѣ жалко... вѣдь въ шинель то русскую я его одѣлъ... мерзъ онъ

оченно... вотъ онъ черезъ меня и жизни рѣшился... а крестъ то что! Господь съ нимъ!

Сестра удивленно глядѣла на громаднаго казака, скорбѣвшаго такъ искренно о гибели своего плѣннаго врага...

А Ткачевъ все сидѣлъ, качалъ головой и повторялъ:

— Жалко мнѣ, сестрица, его,—вѣдь черезъ меня все это...

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЪ НЫРКОВЪ.

Когда унтеръ-офицеръ Нырковъ очнулся на госпитальной койкѣ, были сумерки. Въ печальномъ невѣрномъ свѣтѣ умирающаго осенняго дня тускло бѣлѣли отдѣльными пятнами подушки на кроватяхъ, поставленныхъ правильными рядами во всю длину обширнаго помѣщенія, и косынки сестеръ милосердія, неслышными шагами скользившихъ по палатѣ.

За окнами, должно быть, шелъ сильный дождь, потому что всѣ стекла были испещрены рябинами дождевыхъ капель, мерцавшихъ разноцвѣтными искрами въ свѣтѣ уличныхъ фонарей.

Въ палатѣ огня еще не зажигали.

Утомленное тѣло пріятно отдыхало на свѣжихъ, прохладныхъ простыняхъ; голова казалась странно пустой и слабо кружилась при малѣйшей попыткѣ ее приподнять; правая рука лежала поверхъ шаршаваго сѣраго одѣяла, обмотанная марлевымъ бинтомъ и подвязанная полосой бѣлаго коленкора; забинтованное плечо слегка болѣло. Но усталый и ослабѣвшій мозгъ отказывался ассоціировать эти отдѣльныя ощущенія и вос-

пріятія и дѣлать изъ нихъ соотвѣтственные выводы.

— Сестрица, а сестрица, испить бы водички,— раздался вдругъ гдѣ то близко знакомый негромкій голосъ съ нерусскимъ акцентомъ.

— Шурумъ-бурумъ, другъ милый, ты ли это?— радостно отозвался ему Ныркoвъ, и самъ не узналъ своего недавняго могучаго баса, заслужившаго ему въ ротѣ кличку протодьякона.

Съ сосѣдней койки приподнялась круглая, какъ шаръ, голова татарина-солдата, сверкая даже въ сумракѣ бѣлками черныхъ глазъ и двумя рядами ровныхъ, влажныхъ, будто фарфоровыхъ, зубовъ.

— Я-я, Иванъ Ефимычъ. Я давно на тебя смотрю, какъ ты спишь. А мнѣ шрапнелью малость ногу попортило,—будто особенно радостную новость сообщилъ онъ.

И въ тотъ же мигъ точно завѣса раздернулась въ безпокойно напряженномъ мозгу Ныркова, и мгновенно вспомнились всѣ обстоятельства минувшаго страшнаго боя.

Бой разгорался быстро и спорко, какъ схваченный пламенемъ костеръ сухого хвороста. Къ полудню врагу приходилось уже плохо.

Въ студеномъ воздухѣ сѣраго, безсолнечнаго сентябрьскаго дня съ зловѣщимъ воемъ лопались шрапнельные стаканы, обманчиво-ласково пѣли ружейныя пули, гдѣ то вдали тяжело и протяжно ухали пушки и снаряды, взрывали черную, едва отошедшую отъ утренняго заморозка землю, взле-

тавшую столбами къ унылому апатичному небу и разсыпавшуюся громадными черными зонтами. Непріятель отступалъ, отстрѣливаясь, медленно, словно чего то выжидая.

Обширное взрытое поле, на которомъ происходилъ бой, сѣвернымъ краемъ приподнималось по направленію къ лѣсу, а южнымъ опускалось на изволокъ къ нешироκой рѣкѣ, лѣниво, почти непримѣтно катившей холодныя струи между вязкихъ глинистыхъ береговъ.

Вдругъ со стороны возвышенности стало замѣтно какое-то движеніе, и скоро сперва въ бинокль, а затѣмъ и простымъ глазомъ, стала замѣтна быстро приближавшаяся на помощь своимъ тяжелая германская артиллерія.

— Сейчасъ „чемоданами“ палить будутъ, чтобъ ихъ разорвало,—досадливо проворчалъ кто-то, и нѣсколько минутъ спустя бой разгорѣлся съ новою силою, точно въ потухшій было костеръ подбросили новой пищи.

Съ этого момента Ныpковъ потерялъ представленіе о времени. Автоматически онъ дѣлалъ все, что требовалось, дѣлалъ аккуратно и тщательно, какъ простую, хотя и важную, но обычно домашнюю работу, дѣлалъ, казалось, цѣлую вѣчность.

Въ ушахъ стоялъ стонъ отъ грохота, шума и свиста, а въ груди слегка саднило отъ пыли и дыму.

Рѣзкій толчекъ почти одновременно въ плечо и въ руку заставилъ выпустить винтовку и на мгновеніе присѣсть къ землѣ.

Рота съ крикомъ „ура“ пронеслась, какъ показалось Ныркову, надъ самой его головой, оставляя за собой на черномъ кочковатомъ полѣ копошащіяся и неподвижныя фигурки.

Ближе другихъ къ унтеру оказался рядовой Панхутдиновъ, тотъ самый татаринъ, который волею судьбы и въ лазаретѣ оказался его сосѣдомъ по койкѣ.

Ныркову ясно представилось восковое блѣдное лицо съ сжатыми отъ боли зубами. Онъ не безъ удовольствія взглянулъ на настоящаго веселаго Панхутдинова и продолжалъ плести прерванную нить воспоминаній.

Рука Ныркова была залита кровью, кровь сочилась и на плечѣ, пропитывая шинель и рубаху. Какъ умѣлъ, онъ перевязалъ вынутымъ изъ индивидуальной сумки бинтомъ свои раны и, слегка шатаясь, поддерживая здоровой рукой больную, побрелъ прочь, спотыкаясь о разбитую кочками землю и разбросанное оружіе и амуницію.

Странная, относительная тишина поразила его ухо.

Германскія орудія замолкли, не выбрасывая своихъ смертоносныхъ, а главное угрожающихъ, „чемодановъ“, и отступающіе къ лѣсу нѣмцы были ясно видны.

— Слава те Господи, — облегченно подумалъ унтеръ.—Теперь и полѣчиться бы не грѣхъ, до пункта бы только добраться.

Гдѣ именно былъ расположенъ перевязочный пунктъ, онъ не зналъ, и шелъ наугадъ.

Спустился къ рѣкѣ и, увязая въ глинѣ, скользя на скатахъ, сталъ направляться къ опушкѣ лѣса, противоположной той, за которую отступилъ непріятель.

Наступалъ вечеръ, сырой и унылый. Сгустившійся надъ водой туманъ усугублялъ темноту. Ни одна душа не попадалась на встрѣчу.

Ныркомъ много разъ принималъ за людей прибрежныя ветлы и группы камышей, но скоро замѣчалъ свою ошибку. Стало теплѣе, чѣмъ было днемъ, и моросилъ мелкій пронизывающій дождь.

Плечо ныло, и изъ неумѣло неревязанныхъ ранъ сочилась кровь, смачивая повязки.

Наконецъ, неожиданно, какъ по волшебству, вынырнула въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Ныркова неровная, черная стѣна лѣса.

— Версты 4, поди, прошелъ до лѣса-то,—самодовольно усмѣхнувшись, прикинулъ лежащій на лазаретной койкѣ Ныркомъ.

Между деревьями тянулась усѣянная шелестящими мокрыми листьями широкая просѣка.

Солдатъ, слабѣя отъ потери крови, остановился и присѣлъ на пенекъ передохнуть и хоть немного поправить размотавшійся бинтъ, и въ тотъ же

моментъ новый звукъ, характерное шипѣніе автомобиля, поразилъ его слухъ.

— Свой или нѣтъ?—молніей пронеслось въ головѣ.

А все желтѣющій огонекъ уже мелькалъ въ полночной мглѣ, и шипѣніе быстро приближалось.

Раздумывать было некогда.

— Ну, была не была,—успѣлъ подумать Ныpковъ, поднимаясь на ноги.

— Примите, братцы, —закричалъ онъ, обращаясь лицомъ къ поравнявшейся съ нимъ машинѣ, и внезапно лишившись силъ, потерялъ сознаніе.

— Стой, ребята, никакъ свой раненый!..

— Такъ и есть!

— Подсоби-ка поднять!

Раздались голоса, которыхъ уже не слышалъ унтеръ.

— Такъ-то, братецъ ты мой, шурумъ-бурумъ мой любезный,—послѣ долгаго молчанія, облегченно вздохнулъ Ныpковъ, такъ неожиданно и звонко, что задумавшійся солдатикъ вздрогнулъ всѣмъ своимъ крѣпкимъ маленькимъ тѣломъ.

— Задали нѣмцу перцу!

— И еще зададимъ!

— Оно, конечно...

Подошла къ койкѣ сестра съ кроткимъ лицомъ, заботливая и ласковая и, сунувъ солдату подъ мышку термометръ, велѣла не разговаривать и лежать спокойно.

ЕЯ КУМИРЪ.

На окнѣ у Ольги Николаевны цвѣли настурціи; этотъ зеленый ящикъ она сама поливала каждый день, сама безпокоилась о каждомъ зачахнувшемъ или подломившемся стебелькѣ и, быть можетъ, въ этихъ цвѣтахъ сосредоточилось все самое дорогое, что было для Ольги Николаевны въ этомъ мірѣ.

Все!.. если не считать одного воспоминанія далекаго прошлаго, воспоминанія, котораго стыдилась она сама и которое гнала отъ себя какъ что-то мучительное и грѣховное.

Теперь Ольгѣ Николаевнѣ уже 46 лѣтъ; когда она глядитъ на свои портреты снятые въ молодости, она удивляется и сама задаетъ себы вопросъ: „неужели это я? неужели у меня были такіе волосы и такой нѣжный овалъ лица?“ Ольга Николаевна и не глядя въ зеркало знаетъ, что теперь у нея желтыя щеки, глаза окружены темными тѣнями, а волосы подернуты серебряной сѣткой сѣдины... Она знаетъ это давно, но не грститъ, не тоскуетъ, не огорчается: ей не для кого желать теперь возврата молодости и ея обаянія, всѣ интересы жизни теперь сузились до смѣшного и

заключаются только въ этихъ желто-красныхъ цвѣтахъ... и это все, а то, что приходитъ иногда Ольгѣ Николаевнѣ въ голову, то сладкое воспоминаніе, закравшееся въ самый дальній тайный уголокъ ея души, это уже не является интересомъ ея жизни, это прошлое и при томъ, увы,— безвозвратное прошлое.

Тогда Ольгѣ Николаевнѣ было всего 22 года!.. Въ прошломъ у нея были только скучные институтскіе годы, въ будущемъ открывалась широкая и прекрасная жизнь. Она уже была замужемъ, ее убѣдили въ необходимости этого брака со старикомъ, опускавшимъ на ночь вставную челюсть въ стаканъ воды. Она поплакала, но примирилась, утѣшая себя тѣмъ, что если даже она и будетъ ему вѣрной женой, то вѣдь старикъ почти втрое старше ея и не проживетъ же онъ Мафусаиловъ вѣкъ.

Итакъ Ольга Николаевна была уже замужемъ... Это лѣто, 24 года тому назадъ они проводили съ мужемъ въ одномъ извѣстномъ курортѣ Германіи, гдѣ старикъ принималъ какія-то ванны, подлѣчивался, стараясь поддержать угасавшее пламя жизни. Ольга Николаевна скучала по утрамъ, оставаясь одна въ номерѣ шикарной гостиницы, скучала въ теченіи дня, прогуливаясь по парку подъ руку съ едва волочившимъ ноги мужемъ, скучала и по вечерамъ рано ложась спать, когда сквозь опущенныя шторы еще доносились изъ курзала звуки манящей музыки.

И какъ разъ въ это лѣто случилась та встрѣча, которая впослѣдствіи измѣнила все спокойное теченіе жизни Ольги Николаевны и довела ее до скромной комнаты отшельницы и ящика съ настурціями.

Фонъ-Мерцъ былъ шикарный гвардейскій лейтенантъ одного изъ лучшихъ полковъ Пруссіи. Когда Ольга Николаевна встрѣтила его въ первый разъ въ паркѣ, на немъ было штатское платье, но элегантный сѣрый костюмъ нисколько не портилъ его и не отнималъ отъ его военной фигуры ея благородной стройности и эластичности... онъ прошелъ первый разъ по главной аллеѣ навстрѣчу супругамъ въ своей соломенной шляпѣ, держа подъ мышкой стэкъ, а на цѣпочкѣ длинномордаго бѣлаго пса и, казалось, не обратилъ вниманія на Ольгу Николаевну, но, минуя во второй разъ усѣвшуюся на скамейку пару, лейтенантъ медленно, не поворачивая головы, прослѣдилъ глазами молодую женщину, словно говоря ей: „я васъ замѣтилъ“.

И подъ взглядомъ этихъ красивыхъ и наглыхъ глазъ Ольга Николаевна вдругъ почувствовала себя маленькой, слабой и уже побѣжденной; она сразу замѣтила его красивую фигуру, его лицо и уже теперь послѣ его безмолвнаго обращенія къ ней, поняла, что знакомство должно состояться и что все дальнѣйшее уже въ его рукахъ, и она безсильна.

Знакомство состоялось!.. Фонъ-Мерцъ подъ ка-

кимъ-то предлогомъ былъ представленъ ея чиновному супругу, наговорилъ массу любезностей, выслушивалъ терпѣливо шамкающій говоръ старика, немного наклоня на бокъ голову, и, уйдя, оставилъ послѣ себя тонкій пряный запахъ хорошихъ духовъ и дорогой сигары. Супругъ Ольги Николаевны былъ очарованъ, онъ въ тотъ же вечеръ на музыкѣ представилъ женѣ браваго лейтенанта, и глаза послѣдняго, въ ту минуту, когда онъ почтительно цѣловалъ ея руку, встрѣтили глаза Ольги Николаевны и сказали: „я васъ выбралъ“.

И все пошло своимъ чередомъ: онъ медленно, но безошибочно вѣрно и неотступно шагъ за шагомъ овладѣвалъ сердцемъ молодой женщины, онъ съ опытностью и дальновидностью стараго полководца лишалъ ее способности противодѣйствовать ему, отрѣзалъ всѣ пути къ отступленію и однажды добился того, что сердце Ольги Николаевны сдалось на капитуляцію!

Это было вечеромъ по узкой песчаной тропинкѣ тянувшейся по берегу спокойнаго озера, затянутаго зеленымъ кружевомъ плавучихъ растеній и бѣлыхъ водяныхъ лилій, онъ не сказалъ ей ничего, не вызвалъ ее ни на какія признанія, а просто наглымъ и смѣлымъ приказывающимъ взглядомъ глязъ объявилъ: „я васъ беру“, и она дѣйствительно подчинилась его таинственной власти и отдалась ему!.. словно вдругъ прорвалась плотина молодой живой и неиспользованной страсти,

которую она хранила вѣроятно только для него, своего избранника, и не было конца ласкамъ, не было границы безумствамъ, на которыя была бы она готова, ради своей новой любви.

Но лейтенантъ былъ разсудителенъ: онъ не требовалъ ничего, онъ принималъ ея поклоненіе какъ должное и довольствовался скромно только тѣми ежедневными тайными свиданіями, которыми она его дарила.

А она, Ольга Николаевна, которая теперь сидитъ такъ смиренно передъ зеленымъ ящикомъ съ настурціями, она 24 года тому назадъ, побѣжденная его дьявольской непреодолимой силой, была способна на такія безумія!.. Боже мой, на какія безумія!.. она каждый вечеръ тайно уходила изъ номера мужа, безшумно проскальзывала въ паркъ и встрѣчалась съ нимъ въ темной бесѣдкѣ на берегу дремлющаго безмолвнаго озера.

Такъ длилось почти мѣсяцъ... Она уговаривала мужа остаться еще, убѣждала его продолжать лѣченіе и, быть можтеъ, старикъ сдался бы, если бы не случилось одно непредвидѣнное обстоятельство: влюбленныхъ поймалъ въ бесѣдкѣ старшій кельнеръ гостиницы и разсказалъ все старику, тотъ вскипѣлъ, заперъ жену въ сосѣднемъ номерѣ, вызвалъ къ себѣ фонъ-Мерца, раскричался на него, вызвалъ лейтенанта на дуэль и въ разгарѣ объясненія внезапно упалъ и умеръ отъ разрыва сердца.

Казалось бы, для Ольги Николаевны открыва-

лась новая жизнь, новыя возможности, новое счастье, но увы на дѣлѣ получилось совсѣмъ не такъ: лейтенантъ фонъ-Мерцъ, посѣтивъ ее на слѣдующій, день заявилъ, что хотя чувства его къ ней и остались прежними, хотя теперь онъ и можетъ предпринять болѣе серьезные шаги для легализаціи ихъ отношеній, но что въ настоящую минуту онъ, лейтенантъ Прусской гвардіи является слишкомъ скомпрометированнымъ и принужденъ на нѣкоторое время уѣхать въ Берлинъ.

— Ты понимаешь, я не могу оставаться здѣсь послѣ этой ужасной исторіи, я замѣшанъ въ скандалъ, а этого уже достаточно, чтобы признать репутацію офицера испорченной... я уѣду въ Берлинъ, я дамъ тебѣ знать, когда будетъ удобно и тебѣ пріѣхать ко мнѣ на свиданіе, а сейчасъ— главное побольше терпѣнія и хладнокровія, все обойдется, все кончится именно такъ, какъ мы хотѣли.

И въ этихъ словахъ благоразумнаго лейтенанта Ольга Николаевна казалось уже слышала лебединую пѣснь своей любви, она отпустила его, покоряясь его желанію даже на вокзалѣ не проронила ни одной слезы, хотя знала, чувствовала сердцемъ, что больше они не увидятся.

Съ тѣхъ поръ прошло 20 слишкомъ лѣтъ и Ольгѣ Николаевнѣ страшно подумать теперь, что несмотря на этотъ срокъ также живетъ въ ея сердцѣ прусскій лейтенантъ фонъ-Мерцъ, какъ жилъ и раньше.

На прощаніе она взяла изъ его петлицы желто-красную настурцію и до сихъ поръ къ этимъ цвѣтамъ сохранила какую-то странную, граничащую съ культомъ любовь.

И дни тянутся безконечной вереницей, уходятъ мѣсяца и годы, а сердцемъ и памятью Ольга Николаевна все также властно владѣетъ ея кумиръ, возлюбленный ея молодости, такъ смѣло ее побѣдившій и такъ легко отъ нея отказавшійся.

II.

Изъ города принесли тревожныя вѣсти: пруссаки заняли окрестности и каждую минуту угрожали вступить въ черту.

Передавали, что наши войска по какимъ-то соображеніямъ отошли за городъ, что пруссаковъ уже видѣли въ селѣ въ двухъ съ половиной верстахъ къ западу.

Ольга Николаевна отнеслась къ этому извѣстію равнодушно, она знала, что ей нечего бояться непріятеля, что не будутъ же въ самомъ дѣлѣ пруссаки громить беззащитные города и деревни, не башибузуки же они въ самомъ дѣлѣ, чтобы вырѣзывать населеніе и грабить частные дома и она также спокойно въ это утро растворила окно, полила свои настурціи и усѣлась за работу на любимый диванъ.

Трудно сказать, кто первый заслышалъ топотъ приближавшихся нѣмецкихъ кавалеристовъ, но все

село словно по командѣ вдругъ попряталось по домамъ, даже собаки забились въ подворотни и примолкли... сперва ихъ появилось шестеро, Ольга Николаевна видѣла черезъ открытое окно ихъ высокихъ коней, ихъ сѣрые защитные мундиры и остроконечныя каски, закрытыя парусиновыми чехлами.

Они промчались по улицѣ, поднимая столбы пыли, и тотчасъ же откуда-то издалека понеслись звуки мѣдныхъ трубъ, заглушенные разстояніемъ, звуки марша нарастали и странно было видѣть пустыя улицы и молчаливые дома, встрѣчавшіе торжественное шествіе „побѣдителей“.

Ольга Николаевна видѣла черезъ окно, какъ проходили сѣрые ряды покрытыхъ пылью людей, какъ поблескивали тускло плоскіе какъ ножи штыки и какъ шли бѣлобрысые стройные лейтенанты, вытягивая словно деревянныя ноги и высокомѣрно поглядывая по сторонамъ.

— Барыня, а барыня, пруссаковъ-то, пруссаковъ сколько набѣжало, не дай Господи, всплеснула руками вбѣжавшая простоволосая ключница, куда же наше-то войско, матушка барыня, подѣвалось, чего же не идутъ они пруссаковъ-то бить?

Ольга Николаевна не отвѣтила ничего, она закрыла окно, чтобы не видѣть этихъ самодовольныхъ лицъ, не слышать этой побѣдной музыки, и безсильно опустилась на диванъ.

Это случилось уже послѣ того, какъ зажгли лампы... показалось ли нѣмецкимъ командирамъ

или дѣйствительно кто-нибудь изъ жителей села выстрѣлилъ въ нѣмецкаго солдата, но вдругъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ затишья началась страшная варварская расправа.

Гулко прозвучали первые выстрѣлы на темныхъ улицахъ, наполненныхъ прусскими солдатами, откуда-то издалека внезапно донесся громкій хватающій за сердце вопль и послышались частые удары вѣроятно въ окна, звонъ посыпавшихся стеколъ и побѣдоносный ревъ безчинствовавшихъ солдатъ.

По улицамъ бѣжали черныя тѣни въ остроконечныхъ каскахъ, какіе-то люди катили бочки съ виномъ, ихъ разбивали тутъ-жъ ударами прикладовъ въ днище и озвѣрѣвшіе, почувствовавшіе волю солдаты лакали вино тутъ-же, черпая его походными жестянками или у кого ихъ не было прямо цѣдя красную влагу въ подставленныя каски.

Темные дома освѣтились, какіе-то люди забравшіеся внутрь, зажгли лампы и свѣчи, черные силуэты колыхались и ползали по стѣнамъ, а багровые блики вырываясь изъ разбитыхъ оконъ на улицу, дрожали и переливались зловѣщимъ пламенемъ... изъ окна одного изъ домовъ выбрасывали мебель, изъ второго этажа сыпался цѣлый дождь книгъ, въ концѣ улицы вспыхнулъ какъ гигантскій костеръ домъ священника, и золотыя искры кружились и разсыпались по темному небу червоннымъ дождемъ.

Мимо окна Ольги Николаевны протащили нѣсколько мужчинъ и женщинъ связанныхъ, подгоняемыхъ ударами прикладовъ, съ другой стороны тащили двухъ дѣвушекъ какіе-то пьяные едва державшіеся на ногахъ пруссаки, а со всѣхъ сторонъ неслись звуки пѣсенъ, крики истязаемыхъ и рѣзкіе прорѣзающіе ночной мракъ выстрѣлы.

Это отсюда стрѣляли, я вамъ говорю отсюда!—раздался чей-то громкій голосъ подъ самымъ окномъ Ольги Николаевны,—тысяча чертей я вамъ говорю, какъ честный прусскій офицеръ, это отсюда выстрѣлили первый разъ... я самъ видѣлъ, какъ упалъ бѣдный Фрицъ...

— Можетъ быть и отсюда,—отвѣчалъ болѣе спокойный голосъ, но изъ дома священника я тоже слышалъ выстрѣлъ...

— Такъ вѣдь онъ ужъ горитъ?

— Конечно, горитъ! Что-же вы думали, что мы оставимъ безнаказанно убивать изъ-за угла нашихъ товарищей? Я вамъ клянусь честью, что каждый изъ жителей этого проклятаго села отвѣтитъ мнѣ за смерть нашего добраго Фрица!

И тотчасъ-же послышались тяжелые шаги на крыльцѣ и мощный ударъ въ дверь.

Когда они ворвались въ комнату, Ольга Николаевна осталась сидѣть также какъ была въ креслѣ, только лицо ее вдругъ сдѣлалось блѣдное, почти прозрачное, а глаза расширились, наполнились ужасомъ и ненавистью.

На порогѣ стоялъ вылощенный бритый лейтенантъ съ моноклемъ въ глазу и рядомъ съ нимъ коротконогій обрюзгшій маіоръ съ краснымъ лицомъ и съѣхавшей на затылокъ каскѣ.

— Чортъ побери, съ нами начинаютъ воевать женщины!—закричалъ онъ разразившись хохотомъ...

Но лейтенантъ, еще пока трезвый, сдѣлалъ ему знакъ и обратился къ Ольгѣ Николаевнѣ:

— Это вы, сударыня, изволили стрѣлять въ насъ изъ окна?

— Это вы убили нашего Фрица? прорычалъ маіоръ, но лейтенантъ опять остановилъ его жестомъ.

— Вы знаете, сударыня, чѣмъ вы рискуете, вы знаете, что за каждаго нашего убитаго солдата отвѣтитъ вся ваша деревня.

Ольга Николаевна молчала, языкъ ей не повиновался, не было силъ сказать что-нибудь, отвѣтить на это чудовищное обвиненіе.

— Потрудитесь слѣдовать за нами, холодно заявилъ лейтенантъ,—если вы не желаете отвѣчать намъ, вы отвѣтите генералу!

Она покорно поднялась и вышла вмѣстѣ съ лейтенантомъ, но спускаясь съ крыльца, слышала какъ пьяный маіоръ шедшій вслѣдъ за ними крикнулъ:

— Эй ребята, валите всѣ сюда! это изъ этого дома убили нашего лейтенанта!

И Ольга Николаевна зашагала поспѣшно, чтобы не слышать позади себя звона разбиваемыхъ сте-

колъ, треска ломаемой мебели и не видѣть багровыхъ языковъ вырвавшагося пламени.

Генералъ сидѣлъ въ церкви за принесеннымъ сюда откуда-то столомъ, а передъ нимъ стояла толпа, вѣрнѣе стадо согнанныхъ сюда штыками и прикладами жителей... ихъ обвиняли въ „вооруженномъ выступленіи“ противъ нѣмецкихъ войскъ.

Генералъ что-то писалъ, онъ низко наклонилъ голову и Ольга Николаевна не видѣла его лица, слабо мерцали двѣ зажженныя свѣчи и тускло озаряли темные своды храма... генералъ писалъ, а вся толпа людей неизвѣстно за что приведенныхъ сюда, ждала съ ужасомъ и нетерпѣніемъ его рѣшенія, казни или свободы... наконецъ не поднимая головы, генералъ окликнулъ стоявшаго невдалекѣ полковника:

— Въ чемъ дѣло?

— Эти люди, генералъ, позволили себѣ стрѣлять изъ оконъ въ наши войска и оказали вооруженное сопротивленіе... я полагаю, добавилъ полковникъ вѣско, что въ виду исключительныхъ военныхъ обстоятельствъ ваше превосходительство могли бы единолично постановить, какому наказанію они подлежатъ.

Генералъ промолчалъ минуту продолжая писать и потомъ не поднимая глазъ бросилъ въ сторону: „конечно, разстрѣлять“...

И ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ лицѣ этого человѣка, онъ даже не взглянулъ на обреченныхъ имъ жертвъ, онъ продолжалъ писать пока

солдаты ударами прикладовъ выгоняли изъ церкви обезумѣвшихъ отъ ужаса и отчаянія людей.

— Что тутъ еще? окликнулъ сердито генералъ, когда лейтенантъ, приведшій Ольгу Николаевну, подошелъ и взявъ подъ козырекъ доложилъ:

— Преступленіе того же рода...

— ...Значитъ и наказаніе такое-же, спокойно закончилъ генералъ и положилъ перо.

Лейтенантъ повернулъ за плечи Ольгу Николаевну къ выходу, но ея глаза успѣли еще встрѣтить взглядъ жестокихъ сѣрыхъ глазъ генерала... онъ ее не узналъ, онъ снова взялся за перо, окинувъ ее равнодушнымъ, убійственно безразличнымъ взглядомъ, но она узнала его, она узнала этотъ приказывающій стальной блескъ его глазъ, она въ ужасѣ закрыла лицо руками и вышла изъ церкви, почти теряя сознаніе.

Сожалѣла ли она о 24 годахъ, пожертвованныхъ этому кумиру ея молодости, сравнивала ли она влюбленнаго лейтенанта фонъ-Мерца съ сѣдоволосымъ генераломъ, пославшимъ безъ размышленій и колебаній на смерть столько беззащитныхъ людей, но сердце ея послѣ ужаса первой минуты неожиданной встрѣчи наполнила тихая спокойная радость... онъ не узналъ ее, какое счастье... ей было-бы безумно больно и стыдно за него, если-бы онъ угадалъ подъ желтизной ее щекъ былой румянецъ и въ тускломъ блескѣ ея усталыхъ глазъ, глаза, которые онъ такъ любилъ въ то время.

Онъ вспомнилъ бы тогда навѣрное и песчаную дорожку на берегу тихаго пруда, и бесѣдку, и послѣднія настурціи...

Шагая вслѣдъ за лейтенантомъ по пыльной ночной дорогѣ къ полю, куда уже согнали всѣхъ приговоренныхъ, Ольга Николаевна радостно улыбалась: она была счастлива, что ея кумиръ, мечта ея жизни, не узналъ ея въ эту страшную минуту..

ПРЕДАТЕЛЬНИЦА.

Эпизодъ.

Къ западу отъ деревни, которую намъ предстояло занять и къ которой, пересѣкая зеленыя поля, тянулись безконечныя ленты нашей пѣхоты, высилось одинокое строеніе, окруженное уже желтѣющими купами деревъ.

Это былъ большой помѣщичій домъ, съ кое-какими незначительными службами около него, и еще за полверсты до деревни мы видѣли его темно-красную крышу, выдѣляющуюся на фонѣ осенней листвы.

Ротмистръ Дубницкій, уже раненый недѣлю тому назадъ въ лѣвую руку, но оставшійся въ строю, повелъ нашъ эскадронъ прямо черезъ поле къ покинутой, видимо, людьми усадьбѣ.

Изъ предосторожности выслали впередъ дозоръ, но онъ возвратился черезъ нѣсколько минутъ, донеся, что усадьба необитаема, но не разрушена и вполнѣ пригодна для постоя.

— Прекрасно! — весело откликнулся ротмистръ,—будетъ, по крайней мѣрѣ, гдѣ спокойно провести ночь, да кстати можно будетъ и устроить

приличный ужинъ. Саечкинъ сумѣетъ достать намъ жаркое, относительно же дессерта безпокоиться не приходится.

Дѣйствительно, каждый изъ насъ имѣлъ въ своей сумкѣ нѣсколько фунтовъ шоколада, которымъ мы и питались въ тѣ тяжелые дни, когда не было возможности достать въ разоренныхъ деревняхъ ни хлѣба, ни яицъ, ни мяса.

Эскадронъ свернулъ на западъ и лошади пошли шагомъ, безшумно ступая по мягкой, но уже желтѣющей и теряющей свою свѣжесть, травѣ. Деревня осталась въ сторонѣ; мы видѣли, какъ вступали въ нее сѣрыя массы пѣхоты, какъ исчезали онѣ въ улицахъ между опрятными бѣлыми домиками; мы могли наблюдать, какъ позади, за пригоркомъ, расположилась артиллерія и безконечной цѣпью потянулись повозки и фуры дивизіоннаго обоза.

Ворота, ведущія въ фольваркъ, были откры ты,—одна половина, кѣмъ-то сорванная, висѣла на петлѣ и безпомощно колыхалась вѣтромъ. Ротмистръ обратилъ мое вниманіе на глинистую почву при въѣздѣ во дворъ, всю изрытую конскими копытами, и замѣтилъ:

— Очевидно, нѣмцы тоже догадались расположить здѣсь кавалерію, боюсь, что послѣ ихъ визита намъ не на чемъ будетъ спать и нечѣмъ будетъ закусить на сонъ грядущій.

Дворъ былъ широкій, сплошь изрѣзанный колесами, выдолбившими глубокія колеи, и изрытъ

лошадьми. Въ глубинѣ его—нѣчто въ родѣ садика съ клумбой на англійскій манеръ,—но вмѣсто цвѣтовъ на ней торчали однѣ палочки и поломанные пожелтѣвшіе стебельки.

Домъ былъ одноэтажный, не высокій и длинный по фасаду, шесть громадныхъ оконъ, частью раскрытыхъ, частью забранныхъ ставнями, съ прорѣзанными въ нихъ въ видѣ сердецъ дырочками, выходили во дворъ, отъ парадной лѣстницы вели четыре ступени, широкія двери были раскрыты и весь полъ передней затоптанъ грязными, тяжелыми сапогами недавнихъ посѣтителей.

Во дворѣ мы слѣзли съ коней... Дубницкій, разминая затекшія ноги, прошелся раза два вокругъ своей лошади, погладилъ ея теплую, мягкую, фыркающую морду и, закуривъ трубочку, набитую солдатской махоркой (мы уже давно отвыкли отъ папиросъ)—пригласилъ меня пройти въ домъ, предварительно сдѣлавъ распоряженіе о высылкѣ дозоровъ, постовъ и о расквартированіи эскадрона.

— Судя по началу, нѣмцевъ здѣсь было много!.. Посмотрите, какъ запакостили переднюю, если такъ-же будетъ и дальше, то мы, кажется, съ вами ошиблись, возлагая на этотъ дворецъ большія надежды!

И дѣйствительно, нѣмцы, посѣтившіе фольваркъ, по крайней мѣрѣ—въ передней, не постѣснялись: полъ былъ запачканъ жидкой глиной и грязью, зеркало въ богатой дубовой вѣшалкѣ разбито, видимо, револьверной пулей—отъ нея

осталась одна дырочка, окруженная, словно лучами, разбѣгающимися трещинами... Двѣ картины, изображавшія охоту эпохи Людовика XIV, тоже порванныя, въ поломанныхъ рамахъ валялись около камина; зато каминъ былъ наполненъ угольями, уже прогорѣвшими, и вокругъ него были разбросаны опустошенныя бутылки и какіе-то объѣдки солдатскаго ужина.

— Такъ-съ...—глубокомысленно произнесъ ротмистръ, останавливаясь передъ каминомъ и глядя на разбросанныя по полу бутылки,—очевидно, нѣмецкіе кавалеристы успѣли здѣсь закусить... погребъ, вѣроятно, былъ хорошій!..

— Именно—„былъ“...—подтвердилъ я.

— Что дѣлать... посмотримъ дальше...

Мы отворили дверь и прошли въ слѣдующую комнату.

Вѣроятно, солдатъ сюда не пустили прусскіе офицеры: всѣ остальныя комнаты, хотя и носили признаки пребыванія въ нихъ людей, не привыкшихъ беречь и уважать чужую собственность, но все-же можно было замѣтить, что если здѣсь и безчинствовали пруссаки, то безчинство это было болѣе утонченно и злобно, чѣмъ въ передней.

Превосходныя статуэтки, украшавшія когда-то старинную горку краснаго дерева, были сняты на подоконникъ, и всѣмъ имъ, вѣроятно, ударами прусскихъ сабель, отрублены были головы, стекла въ горкѣ были цѣлы, но замокъ вырѣзанъ и полки пусты.

Дорогая старинная мебель, наполнявшая просторныя темноватыя комнаты, носила слѣды сапогъ людей, ложившихся прямо на атласные диваны; на кругломъ столѣ въ малиновой гостиной, покрытомъ поверхъ темной бархатной скатерти маленькой бѣлой салфеткой, валялось нѣсколько окурковъ сигаръ, пропалившихъ въ ней сквозныя дыры съ желтоватыми краями.

На столѣ были тѣ же винныя бутылки съ остатками ѣды, а на диванѣ въ угловой комнатѣ мы даже нашли резиновую надувную подушку, видимо, забытую прусскимъ офицеромъ при поспѣшномъ отъѣздѣ.

— Ну, и нахамили-же наши достойные противники! — развелъ руками ротмистръ, садясь въ кресло около стола,—чортъ ихъ знаетъ! Точно нельзя придти, выспаться, ну, напиться, наконецъ, чужимъ виномъ изъ чужого погреба и все-таки не плевать на кресла, не бить статуэтокъ и не ложиться на атласные диваны въ грязныхъ сапожищахъ...Саечкинъ!..—крикнулъ ротмистръ досадливо и началъ снимать шашку.

Саечкинъ уже ждалъ этого окрика въ сосѣдней комнатѣ; онъ появился мгновенно и, не дожидаясь вопроса, отрапортовалъ:

— Такъ-что, ваше благородіе, изловилъ на дворѣ ефрейторъ Крикуновъ гуся... ощипали уже... чичасъ изжаримъ... а еще позвольте доложить вашему благородію, хлѣба бѣлаго достать можно, оно-же, конечно, и плиточки, шоколадныя, кото-

рыя, изъ вьюка я досталъ... Кипятокъ нагрѣваемъ... у полчаса ужинъ подать можно.

Оставалось только располагаться въ ожиданіи обѣщаннаго гуся съ шоколадомъ...

— Нельзя сказать, чтобъ ужинъ былъ обильный...—недовольно проворчалъ Дубницкій. Онъ отложилъ на кресло шашку, сбросилъ шинель и, разстегнувъ китель, глубоко усѣлся на диванъ.

Когда я, обойдя еще разъ дворъ и провѣривъ посты, возвратился въ столовую, онъ уже дремалъ, посапывая носомъ, а Саечкинъ, стараясь безшумно ступать громадными сапогами, суетился около стола, перетирая и разставляя тарелки.

— Такъ-что ихъ благородіе—полковой дохтуръ приказали сказать, что гуся ѣсть придутъ!—шопотомъ доложилъ онъ мнѣ, но сонъ ротмистра былъ такъ чутокъ, что онъ вздрогнулъ и открылъ глаза даже при звукѣ этихъ тихо произнесенныхъ словъ.

— А... что такое?..

— Ничего особеннаго,—успокоилъ я его,— просто докторъ прислалъ сказать, что придетъ ѣсть гуся.

Ротмистръ протеръ глаза, сѣлъ и, потягиваясь, произнесъ:

— Ну что-жъ, пусть идетъ... гусь-то, поди, жирный! а Саечкинъ?

— Такъ точно, ваше благородіе. дюже жирный!

Черезъ полчаса мы уже всѣ трое ѣли „дюже жирнаго“ гуся, а Саечкинъ, предвкушая добычу,

въ видѣ остатковъ, лебезилъ около стола и былъ исключительно предупредителенъ.

У доктора оказалась бутылка вина. Онъ принесъ ее подъ шинелью, бережно обтеръ салфеткой и торжественно поставилъ на столъ, окинувъ всѣхъ взглядомъ побѣдителя.

Докторъ былъ маленькій, толстенькій, симпатичный, большой любитель стараго вина и молодыхъ женщинъ; и о томъ, и о другомъ онъ не могъ говорить иначе, какъ безъ сладкой плотоядной улыбки и легкой дрожи въ голосѣ.

Мы взялись за стаканы, чокнулись съ докторомъ и принялись за гуся, какъ вдругъ откуда-то снаружи раздался легкій стукъ. Мы мгновенно замерли... Ротмистръ, уже приподнявшійся съ дивана, а докторъ съ открытымъ ртомъ и уставившимися на насъ недоумѣвающими глазами.

— Что за чортъ тамъ балуется?..—зычнымъ голосомъ крикнулъ ротмистръ.—Саечкинъ, маршъ бѣгомъ—посмотри, что за черти!..

Саечкинъ исчезъ, а мы снова принялись за прерванный ужинъ.

Но не успѣлъ еще докторъ взяться за оставленную гусиную лапку, какъ тихій стукъ въ оконное стекло заставилъ насъ всѣхъ вскочить. Ротмистръ толкнулъ раму; она распахнулась и, при блѣдномъ свѣтѣ поминутно скрывающагося за тучи мѣсяца, мы увидѣли у самаго подоконника женское лицо, обрамленное темными прядями распустившихся волосъ. Два темныхъ глаза, глянув-

шихъ на насъ изъ мрака ночи, были полны такой глубокой скорби, такой невыразимой мольбы, говорили о пережитомъ и переиспытанномъ, что у насъ, несмотря на всѣ наши предосторожности, въ эту минуту не явилось мыслизадавать какіе-либо вопросы; мы всѣ — докторъ, ротмистръ и я, подчиняясь взгляду этихъ глазъ, молящихъ и приказывающихъ, словно по безмолвному соглашенію, протянули женщинѣ руки и подняли ее со двора черезъ окно въ нашу теплую и освѣщенную комнату.

Это, быть можетъ, покажется смѣшнымъ, но въ ту минуту мы словно забыли о существованіи дверей!..

Молодая женщина безмолвно прошла отъ окна къ дивану и опустилась на него въ позѣ страшнаго утомленія...

Не спрашивая ее ни о чемъ, даже не глядя на нее, мы всѣ принялись за дѣло: докторъ уже щупалъ ея пульсъ, ротмистръ наливалъ ей стаканъ вина, а мы съ Саечкинымъ вырѣзали изъ гуся для нея мягкіе куски.

Незнакомка жадно набросилась на вино и на ѣду; видно было, что много дней пришлось ей страдать безъ пищи и безъ крова; одежда ея была мѣстами порвана и запачкана липкой, засохшей и отяжелѣвшей грязью, но лицо... Боже мой!.. это лицо, такое прекрасное!.. такое незабвенное!.. оно было плѣнительно, несмотря на явные слѣды усталости и безсонныхъ ночей.

Мы не спрашивали ее ни о чемъ, но, покончивъ съ ужиномъ, она сама прерывающимся голосомъ, сквозь рыданія, разсказала намъ, что она хозяйка этого дома, что германскіе солдаты, придя, увели ея мужа, разогнали прислугу и скрылась только она одна въ темномъ, сыромъ, отвратительномъ подвалѣ, гдѣ ей не давали заснуть мыши и постоянный страхъ быть открытой. Не нужно было разсказывать ей о томъ, что она пережила—мы безъ словъ поняли все, мы поняли, что теперь, заслыша русскую рѣчь и видя, что фольваркъ занятъ русскими, она вышла изъ своего убѣжища въ надеждѣ на ихъ великодушіе и джентльменство.

— И вы не ошиблись...—галантно расшаркался докторъ,—этотъ домъ—вашъ, какимъ онъ и былъ, а мы только ваши гости, если вы разрѣшите.

Она, конечно, разрѣшила. Она успокоилась, видя себя въ безопасности среди насъ; она даже начала улыбаться, мило кокетничать съ докторомъ и съ любопытствомъ разспрашивать ротмистра о военныхъ дѣйствіяхъ ближайшаго района. Докторъ таялъ и разсыпался, ротмистръ отвѣчалъ, хотя и сдержанно, но, видимо, довольный обществомъ такой красивой женщины, а я, признаюсь, я, вмѣстѣ съ курносымъ Саечкинымъ безмолвно и восхищенно созерцалъ нашу очаровательную хозяйку.

Въ половинѣ одиннадцатаго ротмистръ предложилъ всѣмъ расходиться спать. Онъ извинился, замѣтивъ, что, конечно, дамское общество чрезвычайно пріятно, но что же подѣлать,—война!..

Мы откланялись, и наша хозяйка удалилась въ свою спальню, къ счастью, почти уцѣлѣвшую отъ погрома нѣмцевъ.

Докторъ ушелъ. Онъ легъ спать въ угловой комнатѣ, а мы съ ротмистромъ въ гостиной на двухъ противоположныхъ диванахъ. Саечкинъ храпѣлъ въ передней, а у воротъ темнѣла одинокая фигура часового.

— А дамочка, знаете, — объяденье!.. — заявилъ ротмистръ позѣвывая, счастье ея, что она не попала въ лапы нѣмцамъ... они и на худшихъ зарились.

Я не отвѣтилъ... Ротмистръ повертѣлся минутъ пять на своемъ диванѣ и уснулъ, свистя носомъ и бормоча какія-то неразборчивыя командныя слова.

Я долго не могъ заснуть и перешелъ въ состояніе сна какъ-то незамѣтно, такъ что тотъ сладкій сонъ, который мнѣ приснился, сдѣлался какъ бы продолженіемъ яви, и я не могъ различить, гдѣ кончалась дѣйствительность и гдѣ уже начиналась область фантазіи.

Что-же могло мнѣ сниться? Мнѣ, молодому человѣку, оторванному отъ привычной жизни и брошенному въ потокъ, стремительный и клокочущій, исключительныхъ, неожиданныхъ и неизвѣданныхъ переживаній, человѣку съ чуткими до болѣзненности нервами, съ немного мягкимъ сердцемъ и горячему поклоннику красивыхъ женщинъ.

Конечно, мнѣ снилась она, наша незнакомка, но не такая, какой она явилась къ намъ, не такая чуждая для меня и далекая, но съ тѣми же темными, какъ агатъ, глазами, смотрящими на меня счастливымъ, сулящимъ и любящимъ взглядомъ... Я былъ далекъ, такъ далекъ отъ этой темной ночи, отъ маячащихъ фигуръ часовыхъ, отъ этого полуразореннаго дома, отъ всей этой жизни такой необычной и обильной совершенно исключительными впечатлѣніями.

Я проснулся внезапно, словно отъ толчка, оторванный отъ снившагося мнѣ поцѣлуя моей незнакомки, быстро сѣлъ, спустивъ ноги съ дивана, но нѣсколько секундъ не могъ отогнать отъ себя образовъ моей ночной сказки.

Въ комнатѣ было темно, на столѣ чуть слышно тикали карманные часы, посапывалъ носомъ ротмистръ и мощно храпѣлъ въ передней Саечкинъ.

За окномъ, около котораго стоялъ мой диванъ, я едва разслышалъ тихое хрустѣніе песка. Къ сердцу прилила горячая волна: „это она!“

Я быстро одѣлся и, осторожно ступая, вышелъ на подъѣздъ. Мнѣ въ лицо пахнула темная осенняя безлунная ночь, въ первыя минуты я не могъ разглядѣть ничего!.. Наконецъ я различилъ темный силуэтъ: она шла, осторожно пробираясь вдоль деревьевъ, завернувшись съ головой въ какой-то темный плащъ, крадущаяся кошачьей походкой къ воротамъ, ведущимъ въ поле. Я быстро догналъ ее и окликнулъ... Она вздрогнула вдругъ

всѣмъ тѣломъ, какъ страшно напуганная, съ головы ея упало черное покрывало.

И вдругъ, вмѣсто словъ, какихъ угодно, — я могъ ожидать всего!—въ ея рукѣ блеснулъ маленькій револьверъ, направленный на меня.

— Что вы дѣлаете?!...—вскрикнулъ я.

Еще одно мгновеніе—она бы выстрѣлила, но, сбросивъ съ себя всѣ властныя чары сна, я схватилъ ея тонкую руку повыше кисти и сильно встряхнулъ: прогремѣлъ выстрѣлъ и между нами завязалась борьба... Со всѣхъ сторонъ бѣжали проснувшіеся солдаты, ротмистръ выскочилъ изъ подъѣзда, высунулся изъ окна докторъ и всѣ окружили эту женщину въ черномъ, такую красивую и такую коварную.

Она была шпіонка... Мы узнали это черезъ десять минутъ, обыскавъ ее и найдя подъ плащемъ множество записокъ, чертежей и крошечный фотографическій аппаратъ.

Она не оправдывалась, она смотрѣла на насъ злобнымъ взглядомъ затравленнаго звѣря и только, когда ротмистръ, просмотрѣвъ всѣ найденные документы, съ насмѣшливымъ поклономъ, разводя руками, замѣтилъ ей, что она чрезвычайно ловко едва не провела насъ, она презрительно повела губами и бросила на насъ гордый взглядъ.

На разсвѣтѣ мы выступили... Шпіонку отправили въ штабъ дивизіи, докторъ, глядя ей вслѣдъ, качалъ головой, ротмистръ сплюнулъ злобно и

досадливо, а Саечкинъ, прилаживая командирскій вьюкъ, проворчалъ:

— Ишь ты—такая красивая, а этакая шельма!..

Мнѣ было грустно за мое пробужденіе, внезапное и тяжелое, и за мой несбыточный, короткій, но сладкій сонъ.

НОЧНОЙ СЛУЧАЙ.

Пришли на бивакъ поздно вечеромъ, когда поля уже стали черными, потянуло влагой и холодомъ, а лѣсъ, казалось, началъ шумѣть громче и глуше, чѣмъ днемъ.

Погода была скверная, весь день пока шли по безконечнымъ шоссе, черезъ поля и деревни, моросилъ мелкій, назойливый дождь, ноги вязли въ разбухшей глинѣ, но солдаты не роптали на непогоду: было легче и пріятнѣе итти, чѣмъ въ знойные дни, въ клубахъ ѣдкой, раскаленной пыли.

На привалахъ садились на краю дороги прямо на мокрую, сочную траву, скручивали цигарки и, сбросивъ вещевые мѣшки, пользовались нѣсколькими минутами, чтобы полежать, глядя вверхъ въ сѣрое, безпросвѣтное небо.

А послѣ опять шагали по мокрой глинѣ, опять тянулись по сторонамъ мокрыя, сѣрыя стѣны и крыши домовъ, скошенныя поля и темные таинственные лѣса.

Наконецъ, свернули съ дороги и остановились въ котловинѣ между двумя зелеными склонами пологихъ холмовъ.

Подъѣхала походная кухня, роздали солдатамъ горячіе щи, весело заблестѣли во мракѣ красныя вспышки, разведенныхъ въ ямкахъ костровъ, и напившись свареннаго прямо въ манеркахъ или въ котелкахъ чаю, солдаты, не снимая шинелей и патронташей, забрались подъ полотнище разставленныхъ рядами палатокъ.

Внутри, въ палаткахъ, было не теплѣе, и не суше, чѣмъ въ полѣ: та же мокрая ледяная трава снизу и тотъ же холодный дождь, давно промочившій парусину,—сверху.

Но солдаты, и вѣроятно только русскіе солдаты, умѣютъ такъ быстро приспособляться ко всякой обстановкѣ: черезъ минуту, нагрѣвъ собственными тѣлами подъ собой ямки въ травѣ, батальонъ спалъ крѣпкимъ сномъ.

Людей во мракѣ не было видно, неслось только могучее храпѣнье тысячи грудей, да у коновязи громко жевали и пофыркивали незримыя обозныя лошади.

Во второмъ часу вмѣстѣ съ прапорщикомъ Вацкимъ и смѣной пошли провѣрять полевые караулы.

Всѣ молча ощупью подвигались впередъ, осторожно ступая по высокой, мокрой травѣ и свѣтя карманными фонарями.

— Должно, это направо, ваше благородіе,— произнесъ нашъ провожатый—ефрейторъ.

— Да ты самъ то развѣ не знаешь?..

— Знаю, ваше благородіе, да только темень-то какая... тутъ и не упомнишь, гдѣ своротить.

Ефрейторъ окончательно заблудился и мы остановились.

Кругомъ было темно, холодно, мокро и гдѣ-то недалеко шумѣли деревья.

— Я говорилъ чертъ побери,—разсердился Вацкой:—что мы не туда идемъ. Вотъ теперь и извольте или ночевать здѣсь, или до разсвѣта блуждать безъ руля и безъ вѣтрилъ... Дуракъ, тоже! —добавилъ онъ по адресу нашего гида.

Ефрейторъ сконфузился.

Мы слышали, какъ онъ въ темнотѣ хмыкнулъ носомъ, почесался и послѣ короткаго раздумья произнесъ:

— Такъ что, ваше благородіе, дозвольте доложить.., тута, по близости, ежели по этой канавкѣ иттить, будетъ фольваркъ... тотъ, значитъ, гдѣ его высокоблагородіе батальонный командиръ имѣетъ квартиру... можетъ, намъ туда зайтить, а оттуда фонарикъ посвѣтлѣе дадутъ.

Ничего другого не оставалось.

— Пойдемъ по канавкѣ,—грустно согласился Вацкой:—хотя батальонный насъ, навѣрно, обругаетъ, но все же это лучше, чѣмъ ночевать въ полѣ.

Пошли медленно гуськомъ, причемъ впереди всѣхъ на четверенькахъ двигался ефрейторъ Гусаковъ, поминутно ощупывая: не отклонились ли мы отъ спасительной канавки.

Но вотъ въ темнотѣ, сквозь кружево древесной листвы, блеснулъ тусклый огонекъ.

— Тутъ оно и есть, ваше благородіе, — обрадовался Гусаковъ.

Дѣйствительно, черезъ минуту мы были на пустынномъ дворѣ, посреди котораго чернѣлъ домъ съ однимъ освѣщеннымъ окномъ.

Дверь отворилъ намъ самъ батальонный командиръ, онъ былъ въ растегнутомъ кителѣ и мягкихъ войлочныхъ сапогахъ; вопреки предположенію Вацкаго, онъ насъ не только не „изругалъ“, но даже пригласилъ обогрѣться и выпить чаю.

Оставивъ Гусакова на дворѣ, мы вошли въ теплую, свѣтлую столовую, гдѣ уже кипѣлъ самоваръ.

Стѣсняясь своихъ мокрыхъ плащей и сапогъ, облѣпленныхъ грязью, стараясь не запачкать паркета и не замочить щегольскихъ кожаныхъ стульевъ, мы выпили по стакану чая, разлившагося огненными струями по озябшему тѣлу.

Полковникъ квартировалъ у управляющаго большой экономіей, но, къ сожалѣнію, самого хозяина, такъ гостепріимно принявшаго нашего батальоннаго командира, намъ увидѣть за столомъ не удалось. „Онъ занимается“ объяснили намъ, но мы познакомились съ его сыномъ, юношей неопредѣленнаго вида съ низкимъ лбомъ. Произнося свою фамилію онъ добавилъ:

— Мой отецъ уже пятнадцать лѣтъ русскій подданный... мы совсѣмъ обрусѣли.

Полковникъ былъ окруженъ всѣми удобствами: сынъ управляющаго и вся прислуга, буквально, не отходили отъ него и были даже немного въ въ тягость своей предупредительностью; ему отвели лучшую комнату.

Словомъ, у насъ съ Вацкимъ сложилось самое лучшее впечатлѣніе о гостепріимствѣ, оказанномъ нашему батальонному.

Обогрѣвшись чаемъ, мы раскланялись съ хозяйскимъ сыномъ, получили отъ полковника фонарь и инструкціи и вышли на дворъ.

Ночь показалась еще темнѣе, холоднѣе и дождливѣе.

Но теперь у насъ былъ фонарь; онъ освѣщалъ впереди большой, желтый, качающійся крестъ.

Сойдя со ступеней, мы были поражены отсутствіемъ Гусакова.

— Куда онъ пропалъ, скотина, — выругался Вацкой и окликнулъ:—Гусаковъ, а, Гусаковъ!

Изъ темноты вынырнула фигура солдата.

Когда онъ подошелъ близко, мы увидѣли, что обычно веселое его и беззаботное лицо было сейчасъ серьезно и сосредоточенно...

— Тише, ваше благородіе! Извольте за мною пройтись...—поманилъ онъ насъ пальцемъ куда-то и, подчиняясь серьезности его тона и выраженія глазъ, мы, безшумно ступая, послѣдовали за качающейся тѣнью идущаго впереди солдата.

Заднимъ фасадомъ домъ выходилъ въ поле... оно было черно и безмолвно, какъ ночная пучина океана...

Окна съ этой стороны были закрыты и только въ ставнѣ одного, къ которому насъ и подвелъ Гусаковъ, блестѣло маленькое, какъ скважина, отверстіе.

— Посмотрите, ваше благородіе... чего это онъ тамъ дѣлаетъ?—зашепталъ Гусаковъ, подталкивая меня къ окну.

Я прильнулъ къ свѣтящейся скважинѣ и увидѣлъ слѣдующую картину: на стѣнѣ большой комнаты, очевидно, кабинета управляющаго экономіей висѣли два телефонныхъ аппарата.

Одинъ изъ нихъ я узналъ сразу, это былъ маленькій аппаратъ отъ телефона, соединяющаго обыкновенно домъ со службами, конюшнями и пр., другой же былъ совсѣмъ мнѣ незнакомый большой съ блестящими звонками въ формѣ колоколовъ и нѣсколькнми перламутровыми кнопками.

Передъ этимъ аппаратомъ сидѣлъ въ креслѣ маленькій, сѣдой, коротко остриженный человѣкъ, лица котораго я не видѣлъ, и занимался какимъ-то страннымъ, на первый взглядъ, непонятнымъ дѣломъ: слуховая трубка телефона лежала у него на колѣняхъ—онъ ею не пользовался, но держа въ одной рукѣ какой-то листокъ бумаги онъ, другой, вооружившись небольшимъ металлическимъ молоточкомъ, постукивалъ по чувствительной пластинкѣ пріемника, дѣлая то долгія, то короткія паузы.

Старикъ былъ видимо очень погруженъ въ свое занятіе, онъ поминутно заглядывалъ въ свой листокъ бумаги и иногда поднималъ глаза куда-то на стѣну.

Прослѣдивъ его взглядъ, я увидѣлъ большой картонъ съ полнымъ графическимъ изображеніемъ телеграфной азбуки Морзэ.

И мгновенно все стало мнѣ ясно.

Я подозвалъ Вацкаго.

—Вы видите... что онъ дѣлаетъ?..

— Вижу, но не понимаю!—искренно сознался тотъ.

— Смотрите,—продолжалъ я, отводя его отъ окна,—вы видите эта комната примыкаетъ, какъ разъ той стѣной на которой виситъ телефонъ, къ столовой... Такимъ образомъ говорить, да еще такъ громко, какъ этого требуетъ бесѣда по телефону, и не быть услышаннымъ въ столовой, невозможно.

— Ну?..

— Ну и управляющій экономіей пользуется телефономъ, какъ телеграфнымъ аппаратомъ, выстукивая свои донесенія по азбукѣ Морзэ.

— Это такъ же быстро, но зато почти безшумно.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ Вацкой — это шпіонъ?!.

— А вы думали?..

Мы поспѣшно отошли отъ окна.

— Надо прослѣдить, куда идетъ проволока,— говорилъ Вацкой, свѣтя намъ фонаремъ.—Мы медленно шли, слѣдя за проводомъ, протянутымъ отъ одного тоненькаго, видимо временнаго, столба до другого.

Вдругъ столбы прекратились и проводъ дальше

просто вился по землѣ черной металлической змѣйкой...

Мы провѣрили по компасу.

— Ясно!..—сказалъ Вацкой, пряча буссоль, проводъ—идетъ въ Австрію.

И такъ же тихо мы возвратились назадъ къ первому столбу, и темному окну со свѣтящейся скважиной.

— Гусаковъ!.. вали столбъ... — скомандовалъ Вацкой,—и мы всѣ трое навалились плечами на тоненькій столбъ.

Онъ рухнулъ и съ лязгомъ лопнула металличе ская проволока.

Въ ту же минуту погасъ свѣтъ въ окнѣ кабинета.

— Скорѣе, скорѣе, Гусаковъ къ подъѣзду...— уже громко кричалъ Вацкой,—я буду стеречь здѣсь...

Я выхватилъ револьверъ.

Сердце забилось вдругъ до боли сильно пока мы съ солдатомъ бѣжали, спотыкаясь и путаясь въ травѣ, къ другому фасаду дома.

Дверь вдругъ растворилась и изъ нея выскочила какая-то человѣческая фигура. Гусаковъ прямо поймалъ выбѣжавшаго въ объятья.

— Въ чемъ дѣло!.. что такое?..—кричалъ полковникъ, выбѣгая съ револьверомъ во дворъ...

— Шпіоновъ изловили. ваше высокоблагородіе, не спѣша и уже спокойно произнесъ Гусаковъ, скручивая назадъ руки отбивавшемуся и кусавшемуся австрійцу.

За домомъ раздался выстрѣлъ, мракъ ночи прорѣзалъ яркій и мгновенно угасшій снопъ огня и черезъ минуту къ подъѣзду Вацкой притащилъ легко раненаго въ грудь стараго шпіона. Онъ пытался бѣжать черезъ окно.

Всѣ улики были налицо.

Безъ труда удалось расшифровать составленныя австрійцемъ донесенія.

Остатокъ ночи уже прошелъ быстро и незамѣтно...

Я видѣлъ его еще разъ на разсвѣтѣ, когда рота строилась къ выступленію.

Ихъ,—отца и сына, вели въ штабъ дивизіи четыре солдата съ ружьями.

Они оба шагали молчаливые со связанными сзади руками и безъ шапокъ.

Они знали, что ихъ ждетъ...

Глаза младшаго изъ осужденныхъ глядѣли злобно и упрямо изъ-подъ низкаго лба.

А съ первыми лучами солнца мы пошли дальше по обсыхавшей дорогѣ, оставивъ позади и свой бывшій бивакъ, и экономію, мы даже не слышали, какъ прозвучали въ утреннемъ воздухѣ, свѣжемъ и упругомъ, два залпа.

КОСТРЫ МЕРЦАЛИ...

Костры мерцали... Ихъ вздрагивающіе желто-красные огоньки казались фонарями какихъ-то таинственныхъ кораблей, маячащихъ на якоряхъ въ открытомъ ночномъ рейдѣ.

Они тонули въ этой глубокой темнотѣ, въ этой тишинѣ усталости и покоя.

Безграничное темное поле казалось дѣйствительно спокойнымъ, темнымъ, угомонившимся океаномъ, когда волны прибоя улеглись и поверхность сдѣлалась неподвижной, холодной и невозмутимой, какъ бываетъ въ ночные часы.

Костры мерцали... Вокругъ нихъ, небольшими кучками сидѣли, согнувшись и протянувъ руки къ желтому пламени, люди въ сѣрыхъ шинеляхъ, обросшіе бородами, опаленные огнемъ и закаленные видомъ смерти, съ которой они встрѣчались лицомъ къ лицу ежеминутно.

Покончивъ свой трудовой день, словно совершивъ несложную и привычную работу, они сидѣли у костровъ, чистя свои винтовки или прихлебывая чай изъ жестяныхъ кружекъ... Они бесѣдовали!..

Правѣе, въ глубокой темнотѣ рано спустившихся сумерекъ, длинной темной полосой вытянулись построившіяся роты. Человѣческія фигуры слились въ одну длинную темную полосу, безмолвную и едва колышащуюся. Передъ фронтомъ — двѣ фигуры, это ротный командиръ и фельдфебель.

Ротный командиръ держитъ въ рукахъ записную книжку, однотонно и хладнокровно выкликаетъ фамиліи; изъ неясныхъ, темныхъ рядовъ или несется откликъ, или ночь молчитъ и всѣ понимаютъ, что значитъ это тяжелое, мучительное молчаніе.

— Березновъ!..— окликаетъ ротный командиръ.

— Я!..

— Шиловъ!..

— Шиловъ,— повторяетъ ротный командиръ, но темная полоса людей, вытянувшаяся передъ нимъ, молчитъ, какъ темное поле, и темное, покрытое облаками небо.

И вчѣ знаютъ, всѣ понимаютъ, всѣ чувствуютъ, что значитъ это роковое молчаніе... Въ записной книжкѣ ротнаго командира, противъ фамиліи Шилова, остался только карандашный значекъ, такой же символическій, какъ и самодѣльные кресты, связанные изъ двухъ хворостинъ, вѣнчающіе братскія могилы, что темнѣютъ холмами на краю поля.

Шилова нѣтъ, да и не одного Шилова, не досчитываютъ многихъ, но не забыты они, эти вне-

запно, неожиданно оставившіе жизнь, не забыты они ни родиной, ни своими товарищами, собравшимися теперь вокругъ мерцающихъ въ темнотѣ костровъ.

Во второмъ взводѣ у костра грѣется, почти засунувъ руки въ огонь, немолодой уже стрѣлокъ, коренастый, широкоплечій, съ обросшими щеками и сѣрымъ землистымъ лицомъ.

Онъ контуженъ. Сидя около костра, онъ держится лѣвой рукой за голову, а правую — суетъ въ багровый дымъ, тянущійся кверху отъ пылающихъ головешекъ, потомъ, нагрѣвъ правую руку, кладетъ ее на голову и протягиваетъ къ костру лѣвую, и такъ все время... Въ госпиталь онъ не идетъ, отказывается; его контузія кажется ему ничтожной и нестоющей вниманія, хоть, правда, и стоитъ въ ушахъ шумъ, гулъ и звонъ, хоть и перестало слышать лѣвое ухо, а на лѣвый глазъ словно надѣли неподходящаго номера оптическое стекло, но Дреминъ отмахивается, какъ отъ назойливыхъ мухъ, отъ предложеній сходить на пунктъ и, негромкимъ, усталымъ голосомъ, видимо съ трудомъ, продолжаетъ разсказывать собравшимся около костра солдатамъ исторію погибшаго Шилова:

— ...Вотъ я и говорю, братцы, опосля того, какъ выѣхали, значитъ, пулеметчики, приказано намъ было вправо зайтить... за ту рощицу, что у ручейка, небось помнишь, Михѣичъ?.. Вашъ батальонъ тамотка перестраивался—я еще до обѣда

видѣлъ. Такъ вотъ, значитъ, продвинулись это мы вправо, а пулеметчики на лѣвомъ хлангѣ у насъ стали зажаривать... Ну, оно, конечно, и намъ полегче: австріякъ не претъ — пулемета, знать, боится, а только, какъ подъѣхала антиллерія ихняя, какъ пошла шрапнелью да чемоданами по рощицѣ шупсовать, вашъ то капитанъ и послалъ къ пулеметному запросить: не перемѣнить ли, молъ, вамъ позицію, може вправо, а може влѣво... чтобы, значитъ, изъ-подъ шрапнели выйтить.

Побѣжали съ вопросомъ... Послали Митяя, того самаго, что намедни гуся для полуротнаго торговалъ, небось, помнишь, Торохинъ? Ну, такъ вотъ Митяй прибѣгъ обратно и докладываетъ, что, значитъ, пулеметный капитанъ говоритъ, никакъ невозможно никуда продвинуться, потому австріякъ прорваться можетъ. „Ладно“... — капитанъ нашъ говоритъ... Такъ мы тамъ и остались. Уже за полдень сильно зашло, напирать сталъ австріякъ здорово: подкрѣпленіе онъ получилъ, али какая другая оказія, кто-жъ его тамъ знаетъ... только претъ, претъ и удержу нѣтъ... а у насъ сильно порѣдѣло, да и отъ пулеметчиковъ прислали людей просить, потому прислугу, значитъ, переранили — некому при машинкахъ состоять.

Ротный командиръ послалъ насъ, Шилова, значитъ, меня и опять же Митяя, да еще двухъ изъ молодыхъ... Поползли мы къ пулеметчикамъ, видимъ, хотя машинки работаютъ, а раненыхъ много, конечно и убитые есть. Посадилъ насъ подпору-

чикъ за пулеметы, обучилъ, какую кнопку давить, да какую ручку поворачивать—дѣло оно не сложное!.. Ну ужъ, тутъ и пошло чертить—ажъ духъ захватило!.. Онъ по насъ изъ пушки, а мы по емъ пулеметомъ, онъ изъ пушки, а мы пулеметомъ и въ такую это мы, можно сказать, страсть вошли, что и вкругъ себя ничего не видимъ—поливаемъ себѣ да поливаемъ австріяковъ, какъ изъ лейки... Солнце ужъ садиться стало, австріяки напирать перестали, да и пушки ихнія попріутихли малость... поле темнѣетъ, но наша цѣпь, Богъ знаетъ гдѣ,—и не видать ее!..

Оторвались это мы съ Шиловымъ отъ пулеметовъ, посмотрѣли вокругъ... глядь, никого и нѣтъ!.. шестеро насъ всего и осталось, да изъ нихъ четверо раненыхъ, только мы съ Шиловымъ уцѣлѣли... Митяй-то уползъ шаговъ за двадцать да померъ,—въ шею ему саданули... подпоручика тоже убили... „Ну“, говорю, надобно намъ пулеметы вызволить, они намъ весь день служили, нешто мы ихъ, родимыхъ, побросаемъ?

„Какъ можно побросать“—заговорили ребята—хоша мы и раненые, а все-жъ присягу сполнить должны“.

„Ну, коли такъ, молодцы,—говорю,—„забирайте, кто можетъ пулеметы, да и ай-да по кустикамъ, да за рощицу, тамъ поди наши встрѣтятся... Взвалили это мы на плечи пулеметы, позабирали все, что можно было, да и пошли. Ну ужъ конечно, какой тутъ порядокъ—кто какъ могъ, такъ и та-

щился: кто на винтовку опирается, а другой рукой подсобляетъ, что говорить,—извѣстно, раненые.

Солдатъ молчалъ минуту, потрясъ головой, словно стараясь убѣдиться, на мѣстѣ ли она, и продолжалъ еще тише:

— Дюже тяжело было, однако, ничего: австріякъ палитъ, а мы премъ, да еще пулеметы тащимъ... съ Шиловымъ отстали мы, немножко влѣво забрали, притомился онъ сильно: „присядемъ“,—говоритъ,—Дреминъ, — теперича дойти сумѣемъ, а водицы бы испить надо“.

— Я и самъ знаю, что, весь день не пивши, испить хочется, оставалось у меня на донышкѣ въ баклажкѣ нѣсколько глотковъ: „присядемъ — говорю—испить конечно хорошо, у меня братъ Шиловъ малость есть водицы... подѣлимся ужъ“.

Присѣли мы вродѣ какъ быдто въ ложбинкѣ, скрутили по цыгаркѣ, скатки скинули, снялъ я баклажку, подаю Шилову и говорю:

— „Пей, Шиловъ, опосля я выпью, что останется“. Только это Шиловъ за баклажку взялъ и ко рту поднесть не успѣлъ, какъ бухнетъ вдругъ промежъ насъ что-то, въ голову меня вдарило, грохоту, шуму—не дай Боже, пескомъ да землей всего позасыпало, открываю я опосля глаза и вижу: лежитъ это мой Шиловъ блѣднешенекъ, лицо быдто все дергается, а въ рукѣ баклажка, выпить то не успѣлъ — тянетъ мнѣ да шепчетъ: „Пей, Дреминъ!.. пей, братецъ, мнѣ не надо—все одно

помираю“... Сказалъ сердешный, вздохнулъ, да и померъ... Ноги его чемоданомъ-то оторвало, однѣ тряпочки остались... Хорошій, братцы, солдатъ былъ!.. Я ему и глаза закрылъ!..

Дреминъ замолкъ. Отливая пурпуромъ, тянулись къ чернымъ небесамъ прямыя, какъ столбы, полосы дыма отъ костровъ, мерцало желтое пламя, и вспыхивая, озаряло на мгновенія, словно вылитыя изъ бронзы лица солдатъ.

Кое-кто уже задремалъ, свернувшись клубкомъ на сырой холодной землѣ, осенній вѣтеръ шелестѣлъ черными сучьями самодѣльныхъ скромныхъ крестовъ на черныхъ холмахъ братскихъ могилъ, а костры, желто-красные огоньки которыхъ казались фонарями какихъ-то таинственныхъ кораблей, маячащихъ на якоряхъ въ открытомъ ночномъ рейдѣ, мерцали въ густомъ сыромъ мракѣ... Спите спокойно, Шиловъ, Митяй и всѣ вы, покоющіеся подъ славными холмами общихъ могилъ, знайте, что когда настанетъ утро и погаснутъ эти костры, вновь выйдутъ въ поле собравшіеся вокругъ нихъ люди и завтра отомстятъ за каждую пролитую вами сегодня слезу, за каждую каплю вашей драгоцѣнной крови!

УПЛАЧЕННЫЙ ДОЛГЪ.

Послѣ дневки раннимъ утромъ эскадронъ оставилъ кирпичный заводъ.

Выѣхали по три человѣка въ рядъ по узкой проселочной дорогѣ и начали медленно спускаться къ узкой рѣчкѣ, быстрой и безшумно бѣгущей между пологими песчаными берегами... Мостъ былъ сожженъ: его спалили австрійцы еще мѣсяцъ тому назадъ, когда они были здѣсь, а теперь мѣстные крестьяне сдѣлали какой-то временный жидкій настилъ изъ досокъ, но переправляться по нему кавалерія не рискнула и кони пошли прямо въ бродъ, по брюхо въ холодной, быстро бѣгущей, водѣ.

Теперь австрійцы были уже далеко отсюда. Чтобы достигнуть передовыхъ позицій, эскадронъ совершилъ два тридцативерстныхъ перехода, и только на слѣдующій день къ вечеру вдалекѣ обрисовались массы повозокъ обоза и лазаретныя линейки. Справа и слѣва шумѣлъ темно-синій старый лѣсъ.

Къ вечеру перестрѣлка, тянувшаяся уже нѣсколько сутокъ, смолкла.

Спѣшились, зажгли костры и, лежа около нихъ прямо на влажной и грязной землѣ, не громко бесѣдовали о томъ, о семъ и пили безконечно много чаю, заваривая его въ жестяныхъ походныхъ чайникахъ.

Ночь была холодная, ясная и тихая... Невдалекѣ, у коновязей, громко жевали и пофыркивали лошади, кое-кто уже захрапѣлъ, посвистывая носомъ, словно у себя дома въ теплой и душной избѣ, и въ темнотѣ едва обрисовывались темныя фигуры часовыхъ и молодого офицера, корнета Малахова, только нѣсколько дней тому назадъ прибывшаго въ полкъ.

Ночь была долгая и спокойная. Этимъ покоемъ, этими часами отдыха пользовались всѣ тѣ, которые умѣли цѣнить часы бивака, но корнетъ Малаховъ, только что выпущенный изъ училища, еще не побывавшій въ бояхъ и не истомленный тягостями походной жизни, не могъ и не хотѣлъ спать эту первую ночь, проведенную вблизи отъ непріятеля, эту ночь наканунѣ боя, наканунѣ подвиговъ и, быть можетъ, смерти.

Онъ ходилъ одинокій вдоль линіи бивака, вдыхая холодный, сырой ночной воздухъ, и мысли его неслись, какъ обрывки тучъ, разметанныхъ бурей, безсвязныя и неожиданныя.

Его манила жизнь, онъ мечталъ о походѣ еще въ училищѣ, и вотъ теперь въ эту ночь онъ стоялъ на порогѣ этой новой жизни, онъ стоялъ передъ занавѣсомъ, который, отдернувшись, дол-

женъ былъ показать ему изумительный, рѣдкій и феерическій спектакль.

И сонъ бѣжалъ отъ глазъ юноши.

Онъ зашелъ въ офицерскую палатку только тогда, когда на востокѣ заалѣло небо и изъ темноты поля начали вырисовываться темные силуэты лежащихъ на землѣ солдатъ и длиннаго ряда сонныхъ лошадей.

Съ первыми лучами солнца эскадронъ выступилъ.

До опушки лѣса доѣхали всѣ вмѣстѣ, здѣсь остановились, эскадронный командиръ, отъѣхавъ въ сторону, устроилъ нѣчто въ родѣ военнаго совѣта со своими двумя младшими офицерами и рѣшено было выслать въ обѣ стороны по взводу драгунъ, а всему остальному эскадрону продолжать двигаться по просѣкѣ на западъ.

— Корнетъ Малаховъ, вы съ третьимъ взводомъ поѣдете по лѣвую сторону и будете осматривать все, что встрѣтите въ лѣсу и въ просѣкахъ съ лѣвой стороны,—приказалъ эскадронный командиръ... Малаховъ взялъ подъ козырекъ и возвратился въ строй... Черезъ нѣсколько минутъ онъ въ сопровожденіи своего взвода уже выѣхалъ влѣво и углубился въ густой хвойный лѣсъ.

Пришлось разсыпаться, дороги не было, приходилось пробираться прямо между деревьевъ, кони съ трудомъ ступали по землѣ, заваленной обломками вѣтвей, прошлогодней хвоей и шишками, черезъ пни срубленныхъ или поломанныхъ

грозою деревьевъ и черезъ кочки часто встрѣчавшихся болотъ.

Всадникамъ приходилось поминутно нагибать голову отъ вѣтвей, бившихъ ихъ по лицу, но взводъ, разсыпавшись въ длинную цѣпь по одному, продолжалъ двигаться, осматривая каждый кустикъ, каждый пригорокъ.

Около часа уже ѣхали по лѣсу и казалось, не будетъ ему конца, не будетъ ему краю.

Наконецъ начали рѣдѣть деревья и часть взвода, та, которая двигалась на лѣвомъ флангѣ, выѣхала на большую лужайку, выходившую однимъ краемъ въ поле... Поле, видимое отсюда, было безгранично и въ немъ только вдали темнѣли пятна, вѣроятно, строеній какой-нибудь далекой деревни.

Драгуны остановились: за кустами противоположнаго края поляны имъ показалось, померещилось, быть можетъ, какое-то движеніе и люди, осторожные, привыкшіе ко всевозможнымъ случайностямъ, замерли вмѣстѣ со своими конями, сжимая въ рукахъ эфесы обнаженныхъ шашекъ...

Малаховъ тоже вглядѣлся... Дѣйствительно, на опушкѣ лѣса, за кустами какъ-то странно шевелилась листва и словно покачивались какіе-то силуэты.

Вмѣстѣ со своими людьми Малаховъ чуть слышно продвинулся по полянѣ къ ея краю и выѣхалъ на уголъ лѣса, откуда было видно все, что дѣлалось на опушкѣ... Онъ сразу узналъ нѣмцевъ и встрѣча съ ними, которой онъ такъ ждалъ и

къ которой, казалось, подготовился, вдругъ невольно взволновала его... Ихъ было взвода два... Они столпились около своего офицера, или на отдыхѣ, или не зная, что предпринять, но Малаховъ могъ разглядѣть безъ труда ихъ каски, ихъ коней, одинаковыхъ, вороныхъ и ихъ бѣлыя ножны сабель, болтавшихся у сѣделъ.

Медлить было нечего, оставалось только атаковать ихъ, не дожидаясь, чтобы вся цѣпь и находившіяся съ правой стороны главныя силы эскадрона ушли впередъ и нѣмцы оказались у нихъ въ тылу... Корнетъ вынулъ саблю непривычнымъ еще движеніемъ, съ бьющимся сердцемъ оглянулся назадъ, взглянулъ на своихъ людей, въ ихъ лица, простыя, спокойныя и рѣшительныя, и произнесъ голосомъ, волнующимся и вздрагивающимъ:

— Ребята, надо атаковать нѣмца! Нельзя его такъ оставить, а то наши впередъ уйдутъ.

И взглядомъ словно спросилъ согласія у солдатъ.

— Конечно, атаковать... чего тамъ...—спокойно проворчалъ кто-то изъ драгунъ, и эти слова, произнесенныя, навѣрное, вовсе не для того, чтобы ихъ слышалъ корнетъ, его мгновенно успокоили и придали ему храбрости.

Они высыпали на опушку, пришпорили коней и понесли на ошалѣвшихъ нѣмцевъ напрямикъ, взмахнувъ сверкнувшими подъ лучами солнца шашками...

Первое мгновеніе германскіе кавалеристы растерялись, но очень скоро успокоились, увидѣли, насколько они многочисленнѣе русскихъ драгунъ, и приняли атаку, смѣшавшись съ нашими, не стрѣляя, а отбиваясь просто саблями.

Малаховъ сперва мчался впереди, но, еще не доѣзжая до нѣмцевъ, его догнали и опередили нѣсколько драгунъ, онъ видѣлъ передъ собой крупы ихъ лошадей, потомъ передъ нимъ словно изъ-подъ земли выросъ громадный нѣмецкій кирасиръ, съ рыжими усами, на тяжеломъ конѣ. Корнетъ видѣлъ его поднятый сверкающій палашъ, и въ эту минуту почему-то ему вспомнилась его собственная шашка маленькая, кривая и легкая. Въ ту же секунду онъ увидѣлъ, что у толстаго кирасира на воротникѣ двѣ звѣздочки, вѣроятно, онъ офицеръ или вахмистръ и сознанье юноши прорѣзала внезапно мысль: „ударить или не ударить“?.. и, не успѣвъ дать самому себѣ отвѣта, онъ отчаяннымъ движеніемъ, размахнувъ кривой шашкой, ударилъ почему-то кирасира не по головѣ, не по рукѣ, а именно по его громадному сверкающему палашу, словно скрещивая съ нимъ шпаги для поединка.

Корнетъ слышалъ, какъ лязгнули два клинка, почувствовалъ, какъ скользнула его шашка вдоль кирасирскаго палаша, и въ ту же минуту увидѣлъ надъ собой красное лицо и поднятую руку все съ тѣмъ же ужаснымъ и тяжелымъ мечомъ... Малаховъ опять взмахнулъ шашкой, но ударить уже не

успѣлъ, тяжелый ударъ выбилъ изъ его рукъ оружіе и позади себя онъ услышалъ два голоса, закричавшіе почти одновременно по-нѣмецки:

— Держите его, лейтенантъ! Мы идемъ!

Но офицеръ уже выхватилъ браунингъ и выпустилъ въ нѣмца подрядъ четыре оставшіяся пули. Онъ не успѣлъ увидѣть, убитъ тотъ или нѣтъ, но нѣмецкій лейтенантъ исчезъ куда-то изъ его поля зрѣнія, чьи-то руки схватили корнета сзади, онъ вырвался и конь его, испуганный выстрѣлами, понесся, какъ стрѣла, черезъ поле.

Три нѣмца кинулись въ погоню... они скакали, потрясая землю, на своихъ громадныхъ тяжелыхъ коняхъ, а позади, утонувъ въ облакѣ пыли, мчался, вслѣдъ за ними вѣстовой Малахова, рядовой Шерстюкъ, увидѣвшій своего барина въ опасности.

Нѣмцы насѣдали, но вскорѣ услышали позади топотъ погони. Оглянулись, увидѣли облако пыли, поднятой настигавшимъ ихъ драгуномъ, и смутились на одно мгновеніе... Въ эту минуты обрушился на нихъ низкорослый, коренастый, курносый солдатикъ на своемъ небольшомъ, но ходкомъ скакунѣ... Они сцѣпились всѣ трое и мчались по пыльной дорогѣ, сбившись въ одинъ клубокъ и обмѣниваясь быстрыми и страшными ударами.

Уже съ разрубленнымъ плечомъ Шерстюкъ ловкимъ ударомъ шашки сбилъ каску вмѣстѣ съ кускомъ черепа лѣваго нѣмца и теперь, стараясь настигнуть и праваго, кричалъ, что было силы:

— Гоните, гоните, ваше благородіе, гоните обратно, я съ этимъ справлюсь!

Но корнетъ его не слышалъ. Обезумѣвшій отъ страха конь его мчался все впередъ и Малаховъ, оглядываясь назадъ, догадался только, что кто-то пришелъ къ нему на помощь, кто-то заставилъ нѣмца прекратить погоню.

Поле было широкое, безграничное, и конь несся птицей, казалось, не зная усталости.

Проскакавъ версты три, лошадь наконецъ, убавила рыси и скоро пошла совсѣмъ шагомъ... Корнетъ оглядѣлся... Мѣста были незнакомыя, онъ остановилъ лошадь, слѣзъ съ нея и, осмотрѣвъ подпругу и поправивъ сѣдло, рѣшилъ, что самое благоразумное возвращаться обратно.

Конь сильно утомился... Шелъ онъ назадъ шагомъ, часто останавливаясь и тяжело дыша.

Миновали уже ложбинку, которую хорошо запомнилъ корнетъ, потому что, мчась отъ нагонявшихъ нѣмцевъ, онъ едва не сломалъ здѣсь себѣ шеи.

Дорога дѣлала крутой поворотъ, и вотъ за этимъ поворотомъ, около самой канавы, Малаховъ увидѣлъ валяющійся трупъ большого вороного коня, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него прусскаго кавалериста съ разсѣченной головой, вѣроятно, уже мертваго... Корнетъ слѣзъ съ лошади, подошелъ къ нѣмцу—тотъ былъ холодный.

И Малаховъ пошелъ уже пѣшкомъ по этой дорогѣ, ведя въ поводу своего коня... Саженяхъ

въ ста отъ того мѣста, гдѣ лежалъ убитый нѣмецъ, юноша наткнулся на коня, тоже сдохшаго, но уже не нѣмецкаго, это была драгунская лошадь, онъ узналъ ее сразу и по масти, и по сѣдлу... и, остановившись, офицеръ оглядѣлся, разыскивая всадника: онъ былъ недалеко.

Шерстюкъ, убивъ перваго нѣмца, догналъ второго, но въ тотъ моментъ, когда онъ раскололъ ему черепъ, вѣрный конь его упалъ споткнувшись и больше уже не могъ встать, черезъ нѣсколько минутъ околѣвъ отъ изнеможенія; конь германскаго кирасира пронесъ кирасира еще сотню сажень, вѣроятно, уже полумертваго отъ полученной раны и тоже свалился въ канаву вмѣстѣ со своимъ всадникомъ.

Шерстюкъ пролежалъ около часу: онъ сильно ушибся, да къ тому же болѣла и раненая рука. Придя въ себя, онъ увидѣлъ надъ собой знакомое лицо своего барина, его благородія корнета Малахова, стоявшаго передъ нимъ на колѣняхъ и поившаго его водой изъ своей походной фляжки.

— Ну, какъ, Шерстюкъ? — ласково спросилъ корнетъ.

– Ничего, ваше благородіе... только расшибся я больно... а нѣмецъ-то что?.. неужто ускакалъ?

Малаховъ поспѣшилъ его успокоить:

— Тутъ-же невдалекѣ лежитъ. Ловко ты ему голову раскололъ!

По губамъ солдата пробѣжала улыбка...

— Небось, теперича больше не поскачутъ!

Шерстюкъ устало уронилъ голову на траву и закрылъ глаза.

Вечерѣло. Корнетъ Малаховъ все еще сидѣлъ около канавы, вблизи дороги, у изголовья своего вѣрнаго денщика, а тотъ дремалъ усталый и ослабѣвшій отъ потери крови.

Положеніе было затруднительное... Унести Шерстюка не было возможности, уѣхать самъ онъ не могъ, а добраться какъ-нибудь до своихъ вмѣстѣ съ нимъ корнету было почти немыслимо: во-первыхъ, на двоихъ была всего одна лошадь, а кромѣ того Малаховъ не зналъ дороги; они могли легко заблудиться и попасть въ плѣнъ.

И выжидая, пока мысль подскажетъ ему какой-нибудь выходъ изъ тяжелаго положенія, корнетъ съ лихорадочной поспѣшностью перебиралъ всѣ возможные случаи, всѣ возможные пути изъ безнадежно-тяжелаго положенія.

Шерстюкъ пришелъ въ себя, когда солнце уже садилось. Отъ вечерней-ли прохлады или просто утоливъ себя сномъ, но солдатъ открылъ глаза и съ радостью увидѣлъ сидящаго около него Малахова.

— Ваше благородіе, да никакъ вы все около меня сидите?.. какъ же это такъ...—забезпокоился онъ.

Корнетъ улыбнулся, онъ постарался успокоить своего денщика.

— Это пустяки, а вотъ теперь, Шерстюкъ, намъ придется подумать, какъ бы до своихъ

добраться, я вѣдь дороги не знаю... ты, поди тоже?..

Шерстюкъ постарался сѣсть... видимо, его обезпокоили слова корнета, онъ нахмурилъ брови и началъ что-то быстро соображать.

— Такъ что, ваше благородіе, у васъ конь есть, вы его берите и поѣзжайте, а я пока что полежу здѣсь, опосля кого изъ нашихъ встрѣтите—за мной пришлите.

Но корнетъ на это не согласился, онъ не могъ оставить здѣсь одного беззащитнаго человѣка, который только что спасъ ему жизнь.

— Это не годится, Шерстюкъ... Во-первыхъ, Богъ знаетъ, можетъ быть, мы вблизи непріятеля, а во-вторыхъ, какъ же ты останешься совсѣмъ одинъ, голодный, въ открытомъ полѣ. Знаешь, что я придумалъ: лучше мы съ тобой раздѣнемъ того нѣмца, котораго ты убилъ и я надѣну его мундиръ... такимъ образомъ, если я новезу тебя, можно будетъ непріятелю, если онъ встрѣтится,— объяснить, что ты мой плѣнный.

Шерстюкъ даже просіялъ отъ этого предложенія.

— Ахъ, ваше благородіе, и какъ это вы право придумали ужъ такъ хорошо, что просто словъ нѣтъ!

Между тѣмъ корнетъ, оставивъ на минуту своего денщика, направился къ убитому нѣмцу, быстро раздѣлъ его и оттащилъ трупъ подальше въ поле. Даже лошадь пришлось пересѣдлать и,

когда все это было закончено, Малаховъ возвратился къ раненому Шерстюку и предсталъ передъ нимъ въ видѣ нѣмецкаго вахмистра.

Шерстюкъ даже руками всплеснулъ.

— Ваше благородіе! Чудно даже! Ишь, какъ обрядились!

Но времени терять было нельзя: Малаховъ быстро слегка связалъ руки солдату, положилъ его поперекъ сѣдла, сѣлъ на коня и медленно тронулся съ нимъ въ томъ направленіи, въ которомъ, какъ ему казалось, находились наши войска... Между тѣмъ ночь уже сошла, и въ ея темнотѣ тонула оставшаяся позади дорога, распухшій трупъ нѣмецкой лошади и лежащее въ открытомъ полѣ тѣло ея убитаго хозяина.

Когда взошла луна, Малаховъ со своей ношей достигъ крутого поворота дороги, около которой въ кустахъ поблескивали штыки.

„Кто такіе?.. Русскіе, нѣмцы“?.. — соображалъ корнетъ, придержавъ лошадь.

„Эхъ, была не была! Если нѣмцы, попробую отвѣтить по-нѣмецки, если русскіе—узнаютъ... своего не подстрѣлятъ“.

Когда они приблизились, изъ кустовъ выскочила человѣческая фигура и громко по-нѣмецки окликнула:

— Кто ѣдетъ?..

На одну минуту Малаховъ почувствовалъ, какъ у него захватило дыханіе... одно мгновеніе онъ почти растерялся, но, собравъ всѣ свои силы, на-

прягая всю свою волю, онъ отвѣтилъ по-нѣмецки, почти совсѣмъ спокойно:

— Чего ты зря орешь, развѣ не видишь—свой, кажется... Вотъ—забралъ русскую свинью... скажика лучше, далеко штабъ полка?

Какого полка—Малаховъ самъ не зналъ, онъ спросилъ наугадъ, предполагая, что нѣмецкіе солдаты, принявъ за своего, догадаются, о чемъ онъ спрашиваетъ, и дѣйствительно нѣмецкіе часовые, давая ему дорогу, небрежно отвѣтили:

— Если хочешь попасть въ штабъ полка, поѣзжай налѣво...

— А если поѣдешь направо, то навѣрное попадешь къ русскимъ...—насмѣшливо добавилъ другой солдатъ въ остроконечной каскѣ.

Сердце Малахова чуть не разорвалось отъ радости... Русскіе — направо! Какая удача! Но, не показывая вида, онъ нашелъ въ себѣ еще достаточно присутствія духа, чтобы спросить нѣмца:

— А далеко штабъ полка?..

— Километровъ 8 будетъ...—лѣниво отвѣтилъ тотъ и пошелъ въ кусты.

Малаховъ тронулъ коня и началъ отъѣзжать Проѣхавъ шаговъ пятьдесятъ, когда уже скрылись въ темнотѣ оставленные позади кусты и нѣмецкіе солдаты, онъ далъ шпоры коню и тотъ, отдохнувшій, понесся весело черезъ темное поле направо, туда, гдѣ по указаніямъ нѣмецкихъ часовыхъ, должны были находиться русскіе.

Когда забрезжилъ разсвѣтъ, Малаховъ увидѣлъ ихъ, этихъ людей, въ куцыхъ сѣрыхъ шинеляхъ, онъ сорвалъ съ себя нѣмецкую каску и пустилъ коня вскачь имъ навстрѣчу, привѣтствуя ихъ, махая имъ руками и крича громко на все поле, чтобы всѣ слышали, на русскомъ языкѣ.

И онъ былъ счастливъ, избѣгнувъ опасности, счастливъ, спасенный своей хитростью, счастливъ въ это холодное румяное утро сознаніемъ отплаченнаго долга своему вѣрному слугѣ и другу, денщику Шерстюку.

СОЛДАТСКІЙ ОБѢДЪ.

Послѣ продолжительной осенней распутицы, безнадежныхъ упорныхъ дождей, слякоти вязкихъ, размытыхъ и растоптанныхъ дорогъ, люди обрадовались первому бодрящему русскому морозу, какъ давно жданной и желанной гостьѣ.

— Слава-те Господи, распростились съ нѣмецкой погодой!

— Будь ей пусто!

— По крайности пообсушимся малость. Не сладость тоже ночевать въ болотѣ-то!

Оживленно и весело перекликались люди, попрыгивая по подернувшимся за ночь тонкимъ морщинистымъ ледкомъ, лужамъ и похлопывая зябнущими руками.

Но морозъ оказался лукавымъ товарищемъ и сыгралъ надъ довѣрчивыми злую шутку.

Подстывшая грязь и вода на дорогахъ образовали ледяную кору скользкую, какъ катокъ.

Передвиженіе оказалось чуть-ли не затруднительнѣе, чѣмъ въ предыдущіе дни.

Еще пѣхота кое-какъ справлялась съ неудобствами труднаго пути, но повозкамъ съ ранеными и обозу приходилось плохо.

И въ первыхъ слышались стоны и сдержанныя жалобы страдальцевъ, жестоко встряхиваемыхъ на обмерзшихъ рытвинахъ и ухабахъ, увѣщанія санитаровъ и встревоженные голоса сестеръ. Около вторыхъ стонъ стоялъ отъ взрывовъ молодецкой, художественной ругани.

— Полегче вы, черти,—прокричалъ, проносясь мимо на низенькой сѣрой мотоциклеткѣ, самъ сѣренькій, припавшій къ самому рулю, унтеръ-офицеръ.

— Толкуй знай—полегче,—досадливо сплюнулъ рослый,—косая сажень въ плечахъ,—солдатъ Зубаревъ.

— Тоже разсуждать,—бензинная кавалерія.

— Извѣстно его дѣло особое,— поддержалъ кашеваръ, печально глядя на тоненькую безпомощно раскачивающуюся трубу походной кухни.

— А какъ тутъ стараешься, изъ силъ бьешься, чтобъ съ обѣдомъ поспѣть. а кухня на дорогѣ застрянетъ, тутъ братъ, не то запоешь.

Кашеваръ дѣйствительно заранѣе растопилъ топку и заварилъ въ громадномъ котлѣ вкусныя, дразнящія запахомъ прѣющей капусты и картофеля солдатскія щи.

— Въ аккуратъ бы къ биваку поспѣли. Солдаты-то поди какъ отощали. Сколько денъ можетъ горячей пищи не кушали,—продолжалъ онъ сокрушаться все сильнѣе, сомнѣваясь въ удачѣ своего предпріятія.

Дорога шла въ гору. Взъерошенныя, лохматыя лошаденки выбивались изъ силъ и казалось вотъ-вотъ совсѣмъ вылѣзутъ изъ упряжи.

— Що-жъ ты конямъ не поможешь?—удивился маленькій вертлявый хохолъ Каленный, обращаясь къ огромному Зубареву.

Дѣло въ томъ, что Зубаревъ, служившій до войны атлетомъ въ маленькихъ провинціальныхъ циркахъ, гдѣ передъ глазами восхищенныхъ зрителей гнулъ пятаки и скручивалъ въ узелъ желѣзную кочергу, пользовался среди товарищей солдатъ бывшихъ даже преувеличеннаго мнѣнія о его силѣ, особеннымъ уваженіемъ, налагавшемъ на него нѣкоторыя обязательства.

— Эхъ ты, хохолъ,—отозвался онъ съ оттѣнкомъ превосходства,—мое, братъ, дѣло впереди, когда какая лошадь вовсе откажется, я замѣсто ее впрягусь... такъ-то милый.

— Смотри, кашеваръ, штей солдатскихъ не расплескай, лѣшій,—добавилъ онъ, обращаясь къ кашевару.

— Что до меня, то я всей душой, а если въ разсужденія климата, такъ на то воля не моя, а Божья,—раздался обиженный отвѣтъ и въ ту же минуту измучившіяся лошади остановились, съ видимымъ намѣреніемъ простоять долго, завязавъ одно изъ колесъ въ глубокой колеѣ съ крутыми обмерзшими краями и тяжелымъ дыханіемъ втягивая раздутые бока.

— Съ пріѣздомъ проздравляю.

— Чтобъ тебѣ ни дна, ни покрышки!—послышались огорченные и отчаянные голоса.

— Выручай обѣдъ, ребята, не пропадать же щамъ,—взмолился кашеваръ.

— Вѣстимо не пропадать.

— Наваливайтесь, братцы.

— Сзаду-то, сзаду заходи.

— Куда прешь безъ толку, лѣшій-те возьми.

Люди засуетились, понукая лошадей словами и дѣйствіями, подталкивая съ боковъ и сзади, наступая на ноги и мѣшая другъ другу.

И вдругъ, покрывая другіе голоса, раздался зычный басъ Зубарева:

— А ну-ка, ребятки, теперича я вамъ прыть покажу. Эхъ, привелъ Богъ рученьки расправить, вовсе закисъ въ обозѣ, обабился.

И легко раздвинувъ примокшихъ людей силачъ привычными руками ловко и быстро распрягъ лошадей.

— Тоже кони. Навозъ на ихъ возить, такъ и то наплачешься,—презрительно ткнулъ онъ въ бокъ пальцемъ одно изъ животныхъ. Лощадь только поглядѣла въ его сторону и сконфуженно мотнула хвостомъ—„не извольте, молъ, гнѣваться. Какіе есть“.

Между тѣмъ солдатъ занялъ уже мѣсто выпряженныхъ коней.

— Ну-ка, други милые, не сдавай, дружнѣй, дружнѣй наваливайся, комаръ те заклюй. Заноси заноси лѣвой-то бокъ. Такъ, такъ, такъ. Лицо Зубарева побагровѣло, на шеѣ напружились вы-

пуклыя синеватыя жилы, на рукахъ подъ шинелью мелкой дрожью тряслись напряженные мускулы.

Товарищи соединили дружныя усилія и, минуту спустя при общемъ торжествующемъ крикѣ, кухня качнулась, потомъ выпрямилась и, занявъ надлежащее положеніе съ размаху прокатилась нѣсколько шаговъ впередъ.

Отъ неожиданнаго толчка напиравшій сзади Каленникъ потерялъ равновѣсіе и закопалъ носомъ рѣдьку, что не помѣшало ему просоединить свой голосъ къ общимъ восторженнымъ восклицаніямъ:

— О це хлопецъ ладный!

— Ну и Зубаревъ!

— Атлетъ, одно слово!

— Молодчага,—выручилъ шти!

— Запрягай коней то. Не мѣшкай, Таперича не далече. Поди солдаты то ждутъ обѣда, не дождутся.

Но Зубарева разобрала удаль.

— Не требуется коней братцы. Они, животныя, поди тоже замаялись. Пущай помнятъ Ванюху Зубарева, чемпіона Россіи! Валяй наша!

Онъ какъ бы опьянѣлъ отъ ощущенья собственной мощи, и размѣреннымъ бодрымъ шагомъ двинулся впередъ, увлекая за собой котелъ съ драгоцѣннымъ обѣдомъ.

— Брось, Зубаревъ, лопнешь!

— Треснетъ кишка, смотри! — съ нескрываемымъ восторгомъ останавливали окружающіе.

— Сказалъ, лопнетъ! Вона у меня крѣпкая! Да и до бивака рукой подать. Опять же и дорога подъ горку пойдетъ.

Обгонявшіе дивились на странное шествіе, но Зубаревъ спокойно и дѣловито выполнялъ свою задачу.

— Что въ лесторанѣ тебѣ обѣдъ предоставлю. Небойсь въ цѣлости прибудетъ... приговаривалъ онъ насѣдая всей тушей своего могучаго тѣла.

Солдатскій обѣдъ прибылъ во-время и въ цѣлости, и обрадованные солдаты на рукахъ отнесли отъ кухни свалившагося замертво Зубарева.

— Ну, братъ, и молодчина же ты,—подивился на него офицеръ, послѣ того, какъ солдатъ отхлебнулъ изъ предложенной фляжки глотокъ коньяку и понемногу сталъ приходить въ память.

— Чувствуешь то себя какъ?

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше б-родіе,— отрапортовалъ, подтягиваясь, чемпіонъ Россіи.

— Чувствуемъ себя важнѣй, и знаемъ таперича, что ни въ какихъ случаяхъ не пропадемъ. Потому коли другого дѣла не окажется, замѣсто битюга сойтить можемъ.

ПОДЪ ПОКРОВОМЪ ТЕМНОЙ НОЧИ.

Дорога тянулась съ востока прямо на западъ, и съ обѣихъ сторонъ обступилъ ее темный, шумящій и таинственный лѣсъ.

Когда, проходя по шоссе мимо, мы заглядывали въ его темныя чащи, казалось, что тамъ, подъ купами этихъ черныхъ деревъ, нѣтъ никогда дня, что тамъ царитъ вѣчная ночь и что вообще жизнь лѣса, такого темнаго и загадочнаго, совсѣмъ иная, полная неожиданныхъ, фантастическихъ явленій.

И особенно теперь, когда вотъ уже третій мѣсяцъ по этой дорогѣ черезъ лѣсъ проходятъ тысячи и тысячи людей, стремящихся, увлекаемыхъ невѣдомой силой на западъ... всегда на западъ...

И вдругъ лѣсъ кончился, словно внезапно оборвался.

Засіяло золотымъ дождемъ лучей осеннее солнце и послѣ тѣни и мрака ночи особенно обрадовало своимъ блескомъ.

Передъ нами развернулось широкое поле.

Налѣво отъ дороги чернѣло селеніе и высился шпицъ костела... Направо вдоль дороги тянулся не-

глубокій, но широкій ручей, который потомъ пересѣкался мостомъ и уходилъ куда-то влѣво, извиваясь блестящей лентой на черномъ фонѣ уже высохшихъ и потоптанныхъ полей.

Было интересно видѣть, оглянувшись назадъ, какъ изъ узкой щели прорѣзанной дорогой въ черной стѣнѣ лѣса выползала живая лента войскъ, скрипѣли и стучали колесами зарядные ящики и обозныя фуры.

И, казалось, не будетъ конца этому шествію; казалось безконечно будутъ чередоваться казаки, пѣхота, повозки, опять всадники и снова поблескивающая сталью штыковъ пѣхота.

Селеніе было довольно большое, но уже почти покинутое жителями... часть избъ стояла съ заколоченными окнами и забитыми дверьми, а часть, изъ которой было вынесено все, глядѣла на грязную безлюдную улицу черными дырами раскрытыхъ оконъ и дверей.

Костелъ стоялъ на небольшой площади до того грязной, что даже наши обозные не рѣшились ѣхать прямо, а, боясь увязнуть, направили свои повозки и двуколки по краю обходомъ.

Бѣлое, свѣже штукатуренное зданіе костела сохранило свою обычную физіономію: тѣ-же наглухо запертыя дубовыя двери съ желѣзными скобками, тѣ-же готическія окна съ цвѣтными стеклами, тотъ же маленькій садикъ, прежде, вѣроятно, пышный, а теперь производящій скорѣе жалкое впечатлѣніе чернымъ кружевомъ оголен-

ныхъ вѣтвей, сквозь которыя чернѣлъ домикъ ксендза.

Здѣсь было все попрежнему, и даже ксендзъ остался на своемъ посту.

Онъ вышелъ къ палисаднику своего облетѣвшаго сада, какъ только вступили въ село наши головные отряды, и стоялъ такъ все время, пока тянулись мимо него, уходя налѣво, сѣрой лентой казачьи сотни и безконечные баталіоны пѣхоты.

Главныя силы ушли влѣво, а въ селѣ осталось только два баталіона при батареѣ артиллеріи, которая расположилась позади околицы, скрывъ за тощимъ кустарникомъ жуткіе силуэты своихъ пушекъ.

Впереди села въ двухъ верстахъ выставили сторожевое охраненіе, установили связь, назначили дежурную часть, а остальнымъ людямъ разрѣшено было расположиться въ свободныхъ дворахъ поротно, и какъ только подъѣхали кухни, начали раздавать обѣдъ.

Я думаю, нѣтъ на свѣтѣ людей быстрѣе обживающихся—чѣмъ русскій солдатъ: едва успѣли расквартироваться баталіоны, едва только встала на свое мѣсто батарея и распустили людей, какъ сѣрыя рубахи запестрѣли по всей деревнѣ и черезъ нѣсколько минутъ можно было уже видѣть множество солдатъ, полоскавшихся на берегу мелководной рѣченки, стирая себѣ бѣлье и умываясь.

Конечно, во дворахъ тотчасъ-же запылали костры и закипѣлъ въ котелкахъ картофель, накопанный тутъ-же въ огородѣ, разувшіеся и сбросившіе аммуницію солдаты разсѣлись около огня и съ разговорами, смѣхомъ и шутками принялись за казенные щи, послѣ которыхъ впрочемъ съ неменьшимъ удовольствіемъ приступили къ „собственному картофелю“.

Это ужъ такая привычка русскаго солдата,—однимъ изъ самыхъ большихъ удовольствій походной жизни для него—эта пища „въ собственномъ котелкѣ“, и какъ бы онъ ни былъ сытъ, какъ бы его хорошо ни кормили, его неизмѣнно будетъ тянуть къ этому котелку, его постоянному спутнику.

Офицеры нѣсколько минутъ простояли посреди площади, обсуждая вопросъ о расквартированіи, и, вѣроятно, еще долгое время не могли бы рѣшиться ни на что, если-бы не подошедшій ксендзъ, обратившійся къ баталіонному командиру съ предложеніемъ для господъ офицеровъ обѣда и квартиры въ его домѣ...

— Господа офицеры понимаютъ, что я не могу предложить имъ особеннаго комфорта, сказалъ онъ, приподнимая свою круглую шляпу, но все же у меня имъ будетъ тепло и удобно... Большинство жителей изъ села уже убѣжало, и врядъ-ли вы найдете еще гдѣ-нибудь пріютъ, закончилъ онъ, качая головой.

Баталіонный отъ имени офицеровъ охотно при-

нялъ предложеніе ксендза. Всѣ заговорили сразу, обрадованные мыслью о скоромъ обѣдѣ и теплой комнатѣ, и пошли гурьбой въ палисадникъ вслѣдъ за черной фигурой въ круглой шляпѣ.

— Здѣсь нѣмцы были недѣлю тому назадъ, говорилъ между тѣмъ ксендзъ, медленно шагая рядомъ съ баталіоннымъ командиромъ, какъ видите, они оказались милостивѣе къ нашей деревнѣ, чѣмъ къ остальнымъ, почти ничего не разграблено, а костелъ совсѣмъ не пострадалъ, между тѣмъ у нихъ вошло уже въ привычку прежде всего грабить храмы Божьи... Правда, они очень спѣшили, пробыли здѣсь всего три часа, но все-же въ моемъ домѣ располагался ихъ штабъ дивизіи, и даже состоялось одно совѣщаніе...

— Совѣщаніе?—заинтересовался полковникъ, чего же имъ было совѣщаться, когда они всего пробыли въ деревнѣ три часа?

Вотъ то-то и замѣчательно,—заговорилъ ксендзъ, что, имѣя за спиной непріятеля, они разсчитывали вѣроятно, пробыть здѣсь очень долго, по крайней мѣрѣ ихъ полковникъ привезъ съ собой цѣлую двуколку багажа.

За разговорами подошли къ дому...

Быть можетъ, въ квартирѣ ксендза и не было такъ уютно, какъ это намъ показалось послѣ долгихъ дней похода, но, такъ или иначе, комната была натоплена, въ ней былъ широкій мягкій диванъ, чистыя занавѣски, а нашъ глазъ уже почти отвыкъ отъ домашней обстановки.

Въ маленькой прихожей мы обратили вниманіе на нѣсколько сундуковъ и чемодановъ, сложенныхъ въ углу.

— Это багажъ прусскихъ офицеровъ, разъяснилъ намъ съ улыбкой хозяинъ, они такъ спѣшили, что не успѣли захватить его съ собой— впрочемъ, уходя, полковникъ обѣщалъ вернуться за своими чемоданами... и очень скоро...

Мы не могли не разсмѣяться, зная, что теперь нѣмцы поспѣшно отступали и были отсюда по крайней мѣрѣ въ 40 верстахъ.

Гостепріимный ксендзъ накормилъ насъ превосходнымъ обѣдомъ и даже распространилъ свою любезность до того, что послалъ нѣсколько судковъ кушаній офицерамъ, находившимся въ сторожевомъ охраненіи...

— Я не нахожу словъ, какъ благодарить васъ, говорилъ полковникъ, пожимая руку хозяину, когда мы послѣ кофе расположились на диванѣ и закурили оказавшіяся у ксендза сигары.

— Я вовсе и не жду отъ васъ благодарностей.

Очарованные любезностью нашего хозяина, мы провели прекрасно вечеръ, и уже былъ одиннадцатый часъ, когда ксендзъ началъ устраивать насъ на ночь.

Послѣ чаю поручику Мѣткину и мнѣ пришлось отправиться провѣрить караулы, да кстати мы зашли и въ дежурную часть провѣдать нашего общаго пріятеля младшаго офицера шестой роты.

Посидѣвъ съ полчаса въ холодной ямѣ, гдѣ укрылась застава, мы пожелали оставшимся пріятнаго дежурства и сами направились обратно.

Караулы оказались въ порядкѣ; беззаботно бесѣдуя, приближались мы къ дому ксендза, когда обратили вниманіе на какую-то фигуру, копошившуюся около двери подвала.

Эй, окликнулъ поручикъ Мѣткинъ, ты кто такой, почтеннѣйшій?

Человѣкъ разогнулся, мы увидѣли обросшее сѣрой щетиной лицо съ однимъ закрытымъ глазомъ. Черезъ минуту изъ полуразборчивой рѣчи нашего новаго знакомца мы узнали, что онъ былъ садовникомъ ксендза и ему поручено было набить для насъ сѣномъ матрацы.

— Ахъ, вотъ оно что... успокоился Мѣткинъ, ну продолжай... а все-таки рожа у тебя, почтеннѣйшій, какъ у каторжника, я бы такого не сталъ при домѣ держать, ей-Богу.

Мы прошли къ крыльцу и, проходя переднюю, Мѣткинъ еще разъ обратилъ вниманіе на многочисленный багажъ, оставленный прусскими офицерами, среди котораго былъ одинъ огромный сундукъ.

— И какъ это они могутъ таскать съ собой такіе громадные сундуки, удивился онъ, чортъ ихъ знаетъ, вѣдь это для каждаго офицера по подводѣ нужно, вы не поинтересовались, отецъ, обратился онъ къ вышедшему въ эту минуту въ переднюю ксендзу, что у нихъ въ этихъ чемоданахъ?

Ксендзъ пожалъ плечами.

— Какое мнѣ дѣло, сказалъ онъ, одно могу вамъ сообщить, что сундуки довольно тяжелые.

Мы ограничились этимъ объясненіемъ и отправились въ свою комнату, располагавшуюся налѣво отъ прихожей, гдѣ уже тотъ-же субъектъ съ кривымъ глазомъ и лицомъ каторжника готовилъ намъ постели...

— Тьфу, плюнулъ Мѣткинъ, опять эта рожа... и какъ это вы, отецъ, можете держать у себя такую скотину?..

— Я взялъ его совсѣмъ недавно, отвѣтилъ намъ хозяинъ... изъ села всѣ бѣжали, онъ и просилъ пріютить его, теперь исполняетъ у меня разныя черныя работы.

— А раньше-то онъ чѣмъ занимался, спросилъ его Мѣткинъ, стаскивая сапогъ.

— Ксендзъ съ минуту промолчалъ.

— Право не могу вамъ сказать, онъ жилъ здѣсь въ селѣ, но мнѣ не приходилось часто его встрѣчать, знаете село большое... паства большая...

Мы пожелали хозяину покойной ночи и улеглись съ Мѣткинымъ на толстыхъ сѣнникахъ, показавшихся намъ мягче всякихъ перинъ...

Когда я уже собирался гасить свѣтъ, Мѣткинъ остановилъ меня словами:

— Погодите минуту, эта скотина кажется мнѣ очень подозрительной, я достану револьверъ и положу его около себя, совѣтую вамъ сдѣлать то же.

Мы положили около изголовій наши браунинги, я задулъ свѣчу, и комната погрузилась во мракъ...

Откуда-то издалека доносились еще нѣкоторое время неясные звуки—голоса укладывавшихся офицеровъ, затѣмъ все смолкло и скоро весь домъ погрузился въ тишину, только тикали громко и мѣрно за стѣной въ гостиной высокіе старинные часы.

Разбудилъ меня звукъ внезапно заскрипѣвшихъ половицъ...

Я открылъ глаза, но въ комнатѣ было также темно, какъ и раньше, я хотѣлъ спросить, но въ эту минуту услышалъ шопотъ Мѣткина:

— Тише... ни звука... слушайте...

Я вслушался и, дѣйствительно, ухо мое снова уловило чуть слышный скрипъ половицъ и шуршаніе чьихъ-то шаговъ...

Не зажигая свѣта, мы оба нашли наши револьверы, безшумно сползли съ постели и насторожились...

Въ передней кто-то осторожно ходилъ, шурша туфлями, затѣмъ послышался чуть слышный лязгъ ключа о замокъ и какой-то легкій скрипъ...

Темнота въ комнатѣ была полная, но все же я могъ различить фосфорическій блескъ глазъ Мѣткина... Мы поползли къ двери...

Полъ въ нашей комтатѣ былъ паркетный, а потому мы благополучно и безшумно добрались до двери...

Мѣткинъ приникъ къ скважинѣ...

Въ сосѣдней комнатѣ, т. е. въ передней, мерцалъ какой-то тусклый огонекъ, при его свѣтѣ, робкомъ и вздрагивающемъ, невозможно было различить ничего, но за то, прильнувъ ухомъ къ скважинѣ, я ясно уловилъ два перешептывающіеся голоса, говорящіе по-нѣмецки...

Мы одновременно отодвинулись отъ двери и посмотрѣли другъ на друга... словъ не надо было— мы понимали другъ друга.

Мы снова отползли въ глубину комнаты и начали совѣщаться.

— Я вамъ говорилъ, шепталъ Мѣткинъ, что этотъ каторжникъ мнѣ подозрителенъ, я увѣренъ, что это шпіонъ, но кто второй? неужели ксендзъ?

Нѣтъ... этому не хотѣлось вѣрить...

Такъ или иначе, но мы должны были дѣйствовать, мы быстро открыли окно и безшумно спрыгнули въ садъ...

Ночь была темная, безлунная и безвѣздная... наши фигуры почти сливались съ мракомъ, и мы уже успѣли добраться до самаго крыльца, какъ въ эту минуту наружная дверь осторожно отворилась и черезъ нее проскользнулъ темный силуэтъ человѣка въ остроконечной каскѣ.

„Нѣмецъ...“ блеснула мысль, хотѣлось сразу кинуться на него, но рука разумнаго Мѣткина удержала.

— Ни шагу... прошепталъ онъ.

Мы поползли вслѣдъ за нѣмецкимъ солдатомъ или офицеромъ,—разобрать этого было невозможно

и прослѣдили его до тѣхъ поръ, пока онъ не спустился въ подвалъ дома, стоявшаго позади костела съ заколоченными окнами и дверью.

Тогда Мѣткинъ поспѣшно затворилъ дверь за нѣмцемъ и, задвинувъ ее наружнымъ болтомъ, облегченно вздохнулъ и уже громко крикнулъ:

— Ну, теперь живо будите всѣхъ, идемте ловить сообщника.

Мы настигли его около крыльца; не стрѣляя, Мѣткинъ схватилъ его поперекъ туловища, бросилъ на землю и схвативъ за руки, держалъ до тѣхъ поръ, пока не прибѣжали на наши выстрѣлы разбуженные офицеры и самъ хозяинъ.

— Что такое, въ чемъ дѣло? спрашивалъ полковникъ, не разглядѣвъ сразу въ темнотѣ сидѣвшаго на своемъ врагѣ Мѣткина.

— Держите шпіона... прохрипѣлъ поручикъ...

Между тѣмъ, засѣвшаго въ подвалѣ нѣмца уже вытащили сбѣжавшіеся солдаты. Это былъ лейтенантъ... лицо его было блѣдно, но глаза глядѣли злобно, какъ у пойманнаго хищника.

Въ подвалѣ мы обнаружили цѣлый полевой телефонъ, проводъ отъ котораго уходилъ куда-то въ поле, извиваясь по землѣ стальной змѣйкой...

— Но откуда-же онъ, откуда?, разводилъ руками ксендзъ, на котораго невольно косились и офицеры, заподозривъ его въ соучастіи.

И, внезапно озлобившись навлеченными на него подозрѣніями, ксендзъ обратился громко срываю-

щимся голосомъ къ прусскому лейтенанту понѣмецки:

— Да говорите же вы, говорите, какъ вы забрались сюда... говорите, не заставляйте этихъ людей, которыхъ я уважаю и которымъ отъ всего сердца оказываю гостепріимство, подозрѣвать меня въ содѣянной вами гнусности... пусть она можетъ принести пользу вашему отечеству, но вѣдь съ того, что вы опозорите меня, ни вы, ни ваша родина не выиграетъ ничего... Скажите же имъ, скажите русскимъ офицерамъ, что я не причастенъ къ вашему шпіонству, что это вы сами забрались ко мнѣ въ домъ и подкупили моего слугу!..

Однимъ сильнымъ движеніемъ вырвавшись изъ рукъ державшихъ его солдатъ, прусскій лейтенантъ внезапно выхватилъ револьверъ, который еще мы не успѣли отъ него отобрать, и выпустилъ въ нашего хозяина всѣ шесть пуль.

И этими шестью выстрѣлами онъ далъ отвѣтъ на грозный вопросъ ксендза. Мы бережно подняли трупъ убитаго и отнесли его въ домъ.

Проходя черезъ переднюю, Мѣткинъ указалъ мнѣ на громадный сундукъ, оставленный прусскимъ полковникомъ, онъ былъ открытъ и мы поняли, какого рода багажъ оставилъ у ксендза германскій штабъ.

Воображеніе мгновенно нарисовало всю картину: прусскаго лейтенанта оставили въ этомъ сундукѣ съ прорѣзанными для воздуха отверстіями, подкупили кривоглазаго садовника и вручили ему

ключъ. Каждыя сутки подъ покровомъ темной ночи нѣмецкій офицеръ, выпускаемый изъ сундука садовникомъ, прокрадывался въ сосѣдній пустой домъ и оттуда по телефону сообщалъ нѣмцамъ все, что удавалось его помощнику узнать за день.

Утромъ баталіоны пошли дальше. Мы оставили въ домѣ гостепріимнаго ксендза его уже холодный трупъ, мы бросили на него, за неимѣніемъ живыхъ, искусственные цвѣты, стоявшіе въ вазахъ его гостиной, но мы увели съ собой и его кривоглазаго слугу и пойманнаго лейтенанта.

Впрочемъ, спутники они намъ были недальніе: до перваго дерева, на развѣсистые сучья котораго удобно было-бы забросить веревки.

БОГАТЫРЬ ЗАЦѢПА.

Иванъ Зацѣпа былъ очень высокъ ростомъ и въ плечахъ, какъ говорится, косая сажень... Солдатская шинель сидѣла на немъ какъ-то неуклюже, вѣроятно, не могли подобрать ему по росту--полы расползались и поминутно трещала она подъ мышками.

Силища въ немъ была громадная: до призыва на войну Зацѣпа прошелъ восьмилѣтнюю карьеру, сперва, балаганнаго силача, гнувшаго подковы и ломавшаго пятаки, а затѣмъ циркового борца, уложившаго на обѣ лопатки не мало знаменитостей разныхъ національностей и всевозможныхъ оттѣнковъ кожи. Поработалъ онъ во многихъ чемпіонатахъ, исколесилъ всю Россію, попутешествовалъ и за границей, насмотрѣлся разныхъ людей, истратилъ множество денегъ, посыпавшихся на него вдругъ золотымъ дождемъ и опьянившихъ его своей сказочной властью.

Война пришла неожиданно, не только для одного Зацѣпы; стремительный потокъ подхватилъ и закружилъ въ своемъ теченіи сотни тысячъ людей, и среди нихъ, какъ крошечная песчинка Иванъ

Зацѣпа, оторвавшись отъ своего дѣла, отъ своей профессіи, отъ своихъ успѣховъ и отъ сытой и довольной жизни, попалъ вдругъ въ сѣрую шинель, познакомился съ невѣдомой ему дотолѣ дисциплиной и даже самъ немного удивился, насколько быстро втянулся онъ въ свой новый бытъ и какъ просто сжился онъ и сроднился съ новыми товарищами и съ новыми условіями жизни.

Въ ротѣ Зацѣпу полюбили, полюбили какъ вообще любятъ сильныхъ, но добродушныхъ людей, — любовью, смѣшанной съ уваженіемъ, преклоненіемъ передъ физической силой и нѣкоторымъ опасеніемъ, какъ бы въ случаѣ чего не пришлось попробовать тяжелаго кулака своего добродушнаго пріятеля.

И вотъ, разставшись со всѣмъ прошлымъ, поставивъ точку послѣ закончившейся первой части своей жизненной повѣсти, Иванъ Зацѣпа оказался вдругъ въ одно пасмурное осеннее утро на околицѣ деревни, отнятой вчера у австрійцевъ.

Когда утромъ пришелъ приказъ тронуться, люди собрались быстро и охотно, послѣ спокойно проведенныхъ ночей и пошли быстро бодрымъ шагомъ, отогрѣваясь методическимъ упругимъ движеніемъ твердо ступавшихъ ногъ, попыхивая трубочками и перебрасываясь короткими фразами.

— Зацѣпа, а Зацѣпа, теперича и до тебя дѣло дошло, чего зря силища-то такая пропадаетъ?— окрикнулъ бывшаго борца невысокій бѣлобрысый ефрейторъ Огоньковъ.

Зацѣпа взглянулъ на него съ высоты своего исполинскаго роста и только добродушно улыбнулся.

Въ теченіе трехъ дней почти не встрѣчали сопротивленія.

Раза два показались кавалеристы, но незначительные разъѣзды австрійскихъ гусаръ ничего не могли подѣлать передъ стальной стѣной штыковъ сѣрыхъ солдатъ и поспѣшно отдалялись отъ привѣтствовавшаго ихъ свинцоваго дождя. И только три дня спустя пришлось Зацѣпѣ увидѣть настоящій бой, хотя и короткій, но все же достаточно упорный и горячій...

Передъ ними были высокіе сѣрые, уходящіе вершинами въ облака, утесы. Однотонныя осеннія тучи низко ползли по ихъ склонамъ, цѣпляясь за вершины деревьевъ и оставляя на нихъ сѣрые клочья. И поминутно на этихъ склонахъ вспыхивали желтые огоньки и оттуда неслись, жужжа и взвизгивая, сквозь мелкую сѣтку холоднаго дождя, стальные стаканы шрапнели по направленію къ сѣрымъ колоннамъ нашей пѣхоты, выстраивавшейся въ боевой порядокъ.

Утесы брались штурмомъ. Сперва ихъ нещадно разстрѣливали наши батареи, отвѣчая на огонь австрійцевъ, быстро ослабнувшій, не мѣткій и нервный, а потомъ, когда умолкли пушки, скрытыя въ туманѣ, сгустившемся на склонахъ, подъ прикрытіемъ огня нашихъ батарей тронулись сѣрыя массы пѣхоты, тускло поблескивая стальными бликами наклоненныхъ штыковъ.

И когда подъ дождемъ австрійскихъ пуль баталіоны подошли совсѣмъ близко, начались атаки,—ихъ было три,—отчаянные удары всей силой, всей тяжестью десятка тысячъ штыковъ по убѣжищамъ засѣвшихъ на склонахъ перевала австрійцевъ.

Зацѣпа бѣжалъ вмѣстѣ съ остальными, только ноги его дѣлали громадные шаги, такъ что сосѣди успѣвали шагнуть два раза, пока великанъ лишь одинъ разъ опускалъ свою слоновью ногу. Винтовка въ его рукахъ казалась маленькой, и держалъ ее Зацѣпа какъ-то странно, обхвативъ громадной пятерней одной руки около самаго штыка, а другой почти у приклада, но когда во время второй атаки Зацѣпа дорвался до австрійцевъ, его товарищи увидѣли, какъ ловко и губительно умѣлъ онъ ею дѣйствовать: головы австрійскихъ солдатъ разлетались, какъ спѣлые арбузы, расколотые мощными ударами Зацѣпинаго приклада, онъ успѣвалъ ударить штыкомъ, сбросить проколотаго и корчащагося врага съ его лезвія, замахнуться прикладомъ, раздробить пару австрійскихъ головъ, да при случаѣ еще пнуть ногой или дать такую зуботычину австріяку, что тотъ, выронивъ винтовку, катился кубаремъ внизъ по скату.

Но вотъ встрѣтилось непреодолимое препятствіе: Зацѣпа, Огоньковъ и еще человѣкъ пятнадцать стрѣлковъ зарвались впередъ и наткнулись на цѣлое маленькое укрѣпленіе, возведенное австрійцами изъ составленныхъ вмѣстѣ тяжелыхъ зарядныхъ ящиковъ, скрываясь за которыми, они

мѣткимъ огнемъ не давали къ себѣ приблизиться.

— Эхъ, проклятые, крикнулъ Огоньковъ,— вѣдь здѣсь ихъ пулей не проймешь, ишь вѣдь, какую батарею настроили! Тутъ братцы гранатами дѣйствовать надо, но безъ этого...

И, устроившись шагахъ въ восьмидесяти отъ самодѣльнаго австрійскаго укрѣпленія, наши солдаты продолжали перестрѣливаться, правда, почти безрезультатно, съ засѣвшими австрійцами.

— Это, братцы, не годится,—промолвилъ вдругъ Зацѣпа, кладя винтовку,—этакъ мы будемъ цѣлую недѣлю сидѣть у моря да ждать погоды, надобно ихъ разомъ взять!

— А ты возьми!—насмѣшливо отвѣтилъ Огоньковъ.

— Чего же не взять, попробуемъ!

И Зацѣпа, скинувъ шинель и засучивъ рукава, приготовился къ выполненію какого-то изумительно смѣлаго и неожиданнаго шага.

Около ихъ окопа лежало сломанное у самыхъ корней и повалившееся громадное старое дерево, оно протянуло свое расщепленное и истекавшее смолой тѣло прямо отъ нашей цѣпи къ австрійскому укрѣпленію и вдоль его, прикрываясь густой листвой, уже сухой и пожелтѣвшей, Зацѣпа одинъ, безъ оружія, поползъ вверхъ, къ зарядным ящикамъ, за которыми сидѣли австрійскіе стрѣлки... Съ замираніемъ сердца слѣдили за нимъ Огоньковъ и его товарищи, они видѣли, какъ австрійцы скоро замѣтили ползущаго и открыли по немъ

огонь. Зацѣпа слышалъ поминутно щелканіе пуль, ударявшихся о прикрывающій его стволъ дерева, но не было мысли объ опасности, не было даже минутнаго чувства робости.

И вотъ онъ доползъ, теперь уже по нему не могли стрѣлять, онъ былъ подъ самыми зарядными ящиками, врытыми глубоко колесами въ землю. За ними мелькали австрійскія шапки... И, вставъ на колѣни подъ самыми дулами винтовокъ, ухватившись за спицы сѣрыхъ колесъ, Зацѣпа сдѣлалъ страшное нечеловѣческое усиліе, натянулъ свои мускулы, какъ стальные канаты, и весь, наливншись кровью, съ надувшимися жилами, вырвалъ изъ земли глубоко завязнувшій зарядный ящикъ... Какъ сквозь сонъ, слышалъ онъ злобные крики австрійцевъ, тяжелая повозка ринулась на Зацѣпу, увлекла его за собой и вмѣстѣ съ нимъ понеслась внизъ подъ откосъ, ломая ему кости и разрывая мускулы.

Это случилось такъ быстро, такъ стремительно, что Иванъ Зацѣпа не успѣлъ даже крикнуть „прощайте, братцы“, не успѣлъ даже понять совершившагося, но, лежа внизу, подъ скатомъ, придавленный тяжелымъ ящикомъ, онъ слышалъ радостное побѣдное „ура“ устремившихся въ пробитую имъ брешь товарищей... И умеръ спокойно.

ПЕРЕПРАВА.

Сквозь сѣрую, мглистую вуаль тумана рельефно выдѣлялись тяжелые уступы поросшихъ густымъ лѣсомъ горъ.

Черныя, высокія ели, сплотившіяся въ одну непроницаемую стѣну, покрывали ихъ отъ основанія до вершины и, казалось, что это не горы, а какое-то громадное невѣдомое чудовище, поросшее густой щетинистой шерстью.

Облака, почти сливающіяся съ вершинами, ползли, задѣвая и оставляя на соснахъ сѣрые клочья, похожіе на обрывки ваты, и думалось, что не можетъ быть въ глубинѣ этого безконечнаго лѣса ни дорогъ, ни тропинокъ, и не можетъ жить тамъ никто, кромѣ дикихъ звѣрей.

А внизу, у подножья темныхъ великановъ, вспухшая отъ осеннихъ дождей рѣка, берега которой поросли плакучими ивами и высокой осокой.

Болотистое, открытое поле тянулось въ мутную даль и только полуразрушенные остатки какой-то фермы чернѣли сквозь мелкую сѣтку назойливаго холоднаго дождя.

Война уже коснулась этихъ полей, она смела и разрушила все.

Превратились въ черныя обгорѣлыя развалины крестьянскіе домики, сгорѣли, какъ свѣчи, стоги неубраннаго сѣна, растоптано, смято и покинуто хлѣбное поле, а зеленые луга изрыты черными глубокими лентами стрѣлковыхъ окоповъ.

Рѣка несетъ свои воды также спокойно, также невозмутимо, какъ и прежде, но берега ея оживились теперь необычной, странной и лихорадочной жизнью.

По размякшимъ дорогамъ и прямо по лугамъ, зеленымъ и свѣжимъ, со всѣхъ концовъ тянутся густыя колонны, массы людей одинаково одѣтыхъ, съ одинаковыми лицами и одинаковой рѣшимостью въ глазахъ. Скрипя и грохоча колесами, скачутъ артиллерійскія батареи, ползутъ безконечные обозы и, переваливаясь съ боку на бокъ по глубокимъ колеямъ, движутся сѣрыя коробки, обтянутыя парусиной линейки краснаго креста.

Къ берегу подошли уже въ сумеркахъ. На противоположномъ берегу лѣсъ шумѣлъ неумолчно и внушительно, темные уступы горъ казались еще величественнѣе и мрачнѣе, ивы на берегу превратились въ темныя пятна и казались какими-то невѣдомыми, склонившимися къ водѣ чудовищами.

И берегъ ожилъ. Разводить костровъ было нельзя; въ темнотѣ копошились тысячи человѣческихъ фигуръ, переговариваясь, суетясь, словно дѣлая какое-то громадное общее и таинственное дѣло.

Рыли окопы... Сѣрыя фигуры людей, посни-мавшихъ съ себя ранцы, вещевые мѣшки и со-ставившихъ винтовки, копошились вдоль берега, небольшими лопатами взрывая мягкую, промокшую землю. Постепенно удлиннялась и углублялась ка-нава, выростало передъ ней прикрытіе, брустверъ, а люди, смѣняя одни другихъ, все продолжали свою работу, пока, наконецъ, не стало совсѣмъ темно и не раздалась команда, означавшая окон-чаніе работъ.

Окопы были готовы. Тогда люди опустились внизъ, сложили на мокрое дно свои мѣшки и, по-ложивъ винтовки на брустверъ, обращенными своими дулами въ темную даль на противополож-ный, таинственно молчаливый берегъ, усѣлись на холодной землѣ, прильнули къ ней грудью и ста-ли ждать блѣднаго осенняго разсвѣта, первыхъ выстрѣловъ и, быть можетъ, недалекой смерти.

Ночь миновала. Разсвѣтъ, блѣдный, болѣзнен-ный, озарилъ темныя горы, рѣку и изрѣзанный окопами берегъ. Все также молчаливо сидѣли въ своей канавѣ люди, все также безмолвно глядѣ-ли другъ на друга съ противоположныхъ бере-говъ противники, словно ожидая, кто первый рѣ-шится нарушить тишину, кто первый броситъ че-резъ рѣку вызовъ.

Къ берегу, изгибаясь подъ тяжелой ношей, тащили группы солдатъ громадные, тяжелые, опро-кинутые вверхъ дномъ понтоны.

Тогда щетинистое чудовище, словно отдыхав-

шее на другомъ берегу, пробудилось... Темныя безмолвныя горы проснулись, лѣсъ встрепенулся, взметнулъ нѣсколько вспышекъ пламени и скалы отвѣтили ему громкимъ перекликающимся эхомъ.

Воздухъ застоналъ, сквозь сѣтку дождя, сквозь сѣрыя, точно ватныя, облака въ туманъ противоположнаго берега понеслись стальные стаканы и съ визгомъ, съ завываніемъ и лязгомъ разорвались надъ массами людей, столпившихся на берегу около черныхъ тупоносыхъ понтоновъ.

Тогда, откуда-то издалека, изъ мглы осеннаго ненастнаго утра твердо, сухо и рѣшительно прозвучали шесть отвѣтныхъ выстрѣловъ.

Застонало все: поля, горы, лѣсъ и рѣка отъ грохота этихъ сцѣпившихся чудовищъ, завылъ воздухъ и лязгъ, и грохотъ взрывовъ потонулъ въ этомъ страшномъ концертѣ, въ этой потрясающей гармоніи крови и смерти.

А внизу, на пологомъ берегу, также спокойно и увѣренно, также невозмутимо дѣлали свое дѣло. Понтоны уже отплыли. Какъ черные плавучіе островки, медленно двигались они, руководимые невѣдомо кѣмъ къ другому берегу, двигались тяжело нагруженные людьми, и надъ ними смыкался сплошной сводъ несущихся въ разныя стороны и съ грохотомъ рвущейся шрапнели.

Мы видѣли ихъ издалека съ вышки, откуда слѣдили за результатами нашей стрѣльбы, и чувство, которое мы испытывали, было подобно чувству игрока, поставившаго на свою лошадь все

состояніе и ожидавшаго увидѣть ее первой у столба. Это былъ азартъ, безграничное нетерпѣніе и волненіе, волненіе, которое рѣдко приходится испытать, но которое захватываетъ все существо человѣка и владѣетъ имъ властно и нераздѣльно.

— Первый понтонъ присталъ,—отрапортовалъ, козыряя батарейному командиру, солдатикъ-наблюдатель и всѣ вздохнули облегченно. Съ сердца спала громадная тяжесть: мы выиграли, мы счастливые игроки; наша лошадь первая у столба. На противоположномъ берегу разсыпались по зелени сѣрыя рубахи русскихъ солдатъ.

На берегу изъ черныхъ окоповъ затрещали ружейные выстрѣлы, запѣли визгливо и назойливо пули, а съ другой стороны, отъ опушки лѣса, отвѣчали такія же маленькія вспышки засѣвшихъ австрійцевъ. Но первый понтонъ уже присталъ, вслѣдъ за нимъ подплываетъ второй, на серединѣ рѣки чернѣлъ третій, а отъ нашего берега снова отплывали еще два, полные людей и саперныхъ принадлежностей.

А темный лѣсъ, въ которомъ засѣли австрійцы, словно озлобился на незванныхъ пришельцевъ и гремѣлъ частыми орудійными выстрѣлами, сливавшимися въ одинъ гулъ злобный, безсильно злобный.

По наведеннымъ мостамъ уже тянулась пѣхота. На занятомъ берегу даже не разсыпались цѣпью, а просто шли бѣглымъ шагомъ, штыками

впередъ, отгоняя отъ сѣрой ленты рѣки, отъ изрытаго снарядами берега, отъ легкаго, качающагося моста, непріятельскихъ солдатъ въ синевато-сѣрыхъ мундирахъ и кожаныхъ ранцахъ.

Лѣсъ и горы, рѣка и широкія зеленыя поля, изрѣзанныя глубокими черными лентами покинутыхъ уже окоповъ, наконецъ, умолкли.

Сѣрыя колонны русскихъ прошли впередъ, миновавъ пылающій лѣсъ, по глубокой долинѣ вслѣдъ за поспѣшно отступающимъ непріятелемъ; на берегу остались только саперы, разбиравшіе свои мосты, обозы и лазаретныя повозки, подбиравшія раненыхъ, да длинная вереница артилліріи съ трудомъ вытаскивавшая свои тяжелыя орудія изъ грязи, размытой дождями дороги.

Прошли впередъ, а позади остались темныя горы и черная туча дыма.

ПОДПОРУЧИКЪ НЕЙ.

(Эпизодъ).

Быть-можетъ герой моего разсказа и остался бы совсѣмъ неизвѣстнымъ и незамѣченнымъ, какъ тысячи людей ему подобныхъ, если бы судьба не наградила его, заурядnаго армейскаго подпоручика, громкой фамиліей, самое созвучье буквъ которой навѣвало воспоминанія о великихъ событіяхъ великой эпохи, такъ что самъ подпоручикъ Ней съ его застѣнчивымъ некрасивымъ лицомъ, коротко выстриженной бѣлобрысой головой и нескладной сутулой фигурой казался злой и непріятной насмѣшкой надъ памятью его славнаго однофамильца.

Надо ли говорить, что подпоручикъ Ней не имѣлъ ровно ничего общаго съ покойнымъ „княземъ Москворѣцкимъ“, и что только по ироніи судьбы имя благороднаго французскаго маршала досталось, быть-можетъ, не менѣе благородному, но, увы, неизвѣстному и далеко не подающему блестящихъ надеждъ армейскому офицеру.

Я вижу какъ сейчасъ горбящуюся фигуру Нея, пробирающагося въ ненастный вечеръ по мосткамъ

до-нельзя грязной улицы приволжскаго городка гдѣ расквартированъ былъ нашъ полкъ, изъ казармы въ собраніе.

Приходилъ Ней въ собраніе всегда позже всѣхъ. Происходило это отчасти отъ того, что онъ ходилъ всегда пѣшкомъ, и притомъ очень медленно, отчасти же отъ того, что Ней, занимаясь съ солдатами, не любилъ прерывать ученіе на серединѣ и добросовѣстно заканчивалъ объясненіе или перестроеніе.

Надъ Неемъ любили пошутить. Батальонный командиръ не называлъ его иначе, какъ „маршаломъ“; товарищи особенно охотно хохотали, когда, встрѣчая въ столовой запоздавшаго Нея, толстый подполковникъ, незлобливый шутникъ и общій любимецъ, разводя руками, сказалъ:

— А!.. маршалъ Ней, князь Москворѣцкій... примите нашъ привѣтъ.

Фраза эта, конечно, не содержала въ себѣ ничего смѣшного, но, взглянувъ на Нея, маленькаго, бѣлобрысаго, смущенно протиравшаго запотѣвшія стекла очковъ, вспоминался гордый обликъ маршала, и хотѣлось смѣяться.

Ней не обижался, онъ былъ хорошъ со всѣми, не искалъ ничьей дружбы и ни къ кому не питалъ антипатіи. Онъ покорно исполнялъ свои обязанности, не умѣлъ обращать на себя вниманіе начальства и слылъ безнадежно неспособнымъ офицеромъ.

Жизнь въ захолустномъ городкѣ, съ однимъ единственнымъ клубомъ и офицерскимъ собраніемъ, какъ центрами, вокругъ которыхъ вращалось все, что было въ городѣ интеллигентнаго, текла одуряюще однообразно и скучно.

Но офицеры какъ-то мало замѣчали это, мало страдали отъ тоски и чувства отрѣзанности отъ міра: у каждаго были свои маленькія дѣлишки и романы, не выходившіе за предѣлы опять того же городка, извѣстные всѣмъ и каждому, но все же тщательно сохранявшіеся въ тайнѣ.

Только Ней жилъ какъ-то странно и обособленно, и о немъ не было ни разговоровъ, ни сплетенъ...

Для романовъ его считали слишкомъ некрасивымъ, а для всего остального—слишкомъ недалекимъ.

И такъ ушли не недѣли, не мѣсяцы,—ушли долгіе годы монотонно и убійственно скучно...

Гроза пришла неожиданная и тѣмъ болѣе ужасная.

Всѣ телеграммы, которыми столицы подготовлялись къ разрыву дипломатическихъ сношеній, въ захолустье пришли почти одновременно съ манифестомъ, и какъ снѣгъ на голову обрушилось страшное извѣстіе „война“.

Обрушилось и задавило своей массой, своей важностью и потрясающей новизной всѣ интересы мирнаго времени, всѣ мелочи, романы и интриги.

Теперь, конечно, центромъ всего сдѣлался полкъ, полкъ пополнившійся запасными и готовый выступить на театръ.

Офицеры какъ-то особенно гордо и важно смотрѣли, проходя по улицамъ, въ казармахъ день и ночь кипѣла работа, въ управленіи воинскаго начальника было не протолкаться въ толпѣ запасныхъ и ополченцевъ, на вокзалѣ день и ночь грузили поѣзда.

Все всколыхнулось, всѣ событія какъ бы удвоили свою послѣдовательную скорость.

Одинъ подпоручикъ Ней такъ же флегматично шагалъ въ большихъ галошахъ изъ казармъ въ собраніе и обратно. Такой же ненарушимо спокойный и незамѣтный, онъ безмолвно дѣлалъ свое дѣло.

— Вотъ, „маршалъ Ней“, удобный случай получить маршальскій жезлъ!,—пошутилъ въ собраніи батальонный...

На этотъ разъ никто не разсмѣялся, Ней задумчиво взглянулъ на подполковника, какъ бы не видя его, и отошелъ.

* * *

Полкъ уже давно былъ въ дѣйствіи... Уже были потери, раненые и убитые. Нервы уже закалились, не пугала шрапнель, не страшилъ видъ крови...

Наступали медленно, но неудержимо.

Проходили въ день верстъ пять, шесть дороги, усѣянной австрійскими трупами, разбитыми повозками и передками, дороги, окаймленной сожженными деревнями и полями, взрытыми шрапнелью и залитыми кровью.

Рота подпоручика Нея, смѣнившаго убитаго капитана, входила въ составъ передового отряда. Такъ же спокойно и безропотно шагалъ передъ своей частью Ней, въ сѣрой солдатской шинели еще больше неприглядный и незамѣтный.

Теперь онъ совсѣмъ почти избѣгалъ общества офицеровъ или можетъ-быть такъ выходило само собой, потому что въ ротѣ онъ былъ одинъ начальникъ, а посѣщать сосѣдей не всегда было возможно.

Бой вспыхнулъ на разсвѣтѣ.

Знали давно, что непріятель засѣлъ въ деревнѣ, окружилъ себя проволочными загражденіями и поясами окоповъ, знали что у него имѣется и артиллерія, и задача дня заключалась въ томъ, чтобы „выбить противника изъ укрѣпленной имъ позиціи“...

Рѣшая подобную задачу съ учебникомъ фортификаціи въ рукахъ, вы никогда не составите себѣ представленія, что значитъ на дѣлѣ взять штурмомъ „укрѣпленную позицію“!.. Вы никогда не поймете, какія адскія усилія надо прилагать, какимъ присутствіемъ духа и настойчивостью должны обладать войска, бросающіяся неодно-

кратно въ паутину проволокъ, подъ градъ пуль, сыплящійся изъ едва замѣтныхъ окоповъ.

Въ атаку ходили два раза и возвращались истомленные, обрызганные кровью и землей, не досчитывая многихъ товарищей, но не теряли твердости духа и вѣры въ успѣхъ.

Подпоручика Нея я видѣлъ среди собирающихся для новой атаки солдатъ, оживленнаго, распоряжающагося и мало похожаго на обычнаго скромнаго Нея.

Въ ту минуту, когда обѣ роты уже собрались для новой атаки, когда сквозь гулъ орудійной пальбы я услышалъ голосъ Нея, отдающаго послѣднія приказанія, изъ лѣсу примчался казакъ и, осадивъ коня около роты, передалъ приказаніе: больше не атаковать противника и сохранить позиціи.

Ней вспыхнулъ—я не узналъ его въ эту минуту—схвативъ казачью лошадь за поводъ, онъ крикнулъ: „что!? сохранить позицію?—а за что я погубилъ половину людей?.. зачѣмъ я уже два раза ходилъ въ атаку!—Нѣтъ!.. поѣзжай обратно и доложи что я пошелъ въ третій и послѣдній разъ въ штыки!..“

Въ эту минуту пропала его застѣнчивость, его неуклюжесть, онъ былъ, пожалуй, даже красивъ въ порывѣ смѣлаго вдохновенія; быть-можетъ, въ эту минуту онъ чувствовалъ себя большимъ вождемъ громадной арміи, готовой къ рѣшительному удару, онъ—подпоручикъ Ней.

Но поле уже стонало...

Съ визгомъ и грохотомъ рушились на него, словно съ неба, стальные стаканы шрапнели рвались, взметывая столбы пламени, дыма, земли и свинца, трещали назойливые пулеметы, а къ опушкѣ, пылающей со всѣхъ концовъ ощетинившейся австрійскими штыками деревни катилась человѣческая лавина, сотни сѣрыхъ фигуръ съ винтовками на перевѣсъ, оглашая воздухъ неумолчнымъ „ура“.

Передъ самой атакой я напомнилъ Нею:

— Смотрите, вы отвѣтите за неисполненіе приказанія.

Ней почти съ презрѣніемъ взглянулъ на меня и отвѣтилъ:

— А развѣ я не отвѣчу за безцѣльно погибшихъ?

И вотъ теперь они неслись къ „укрѣпленной позиціи“, которую предстояло взять... неслись къ окопамъ, разрывали тяжестью своихъ тѣлъ колючую проволоку, скользя, падая, карабкаясь на бруствера подъ градомъ пуль среди грохота шрапнели, эти желѣзные люди во главѣ со своимъ „маршаломъ“ Неемъ...

Мы съ восхищеніемъ слѣдили за этой стихійной атакой, и каждый снарядъ, вылетавшій изъ нашихъ орудій, вырывалъ десятки жизней изъ рядовъ противниковъ.

Нечеловѣческимъ усиліемъ, выбивъ штыками изъ окоповъ австрійцевъ, по горамъ тѣлъ ворвав-

шись въ деревню, и овладѣвъ ею, рота подпоручика Нея окупила потери двухъ первыхъ атакъ.

Съ позицій спѣшило подкрѣпленіе, тѣснившее ошеломленнаго врага. А самъ подпоручикъ Ней лежалъ забытый и одинокій, около забора, на улицѣ занятой имъ деревни, и мертвое лицо его, въ разбитыхъ очкахъ,—казалось опять некрасивымъ и ординарнымъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр
Кровью и желѣзомъ	3
Сладкій сонъ	14
Стрѣлокъ Аксентьевъ	23
Изъ нѣмецкаго плѣна	31
Подъ шрапнелью	38
Потерянный крестъ	43
Унтеръ-офицеръ Ныpковъ	52
Ея кумиръ	58
Предательница	72
Ночной случай	85
Костры мерцали	94
Уплаченный долгъ	101
Солдатскій обѣдъ	115
Подъ покровомъ темной ночи	121
Богатырь Зацѣпа	134
Переправа	140
Подпоручикъ Ней	146

Центральное Бюро и Редакція
ИЗДАТЕЛЬСТВА
„БИБЛІОТЕКА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ.“

Контора и главный складъ
ПЕТРОГРАДЪ,
Невскій пр., д. № 60, кв. 11.
(Прот. Аничкова Дворца).
Тел. 267-30.

М. Г.

Великая война нашихъ дней уже вызвала появленіе значительной литературы, какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи. Наше издательство потому поставило своей цѣлью изданіе интереснѣйшихъ новинокъ, отнюдь не лубочнаго характера, а лишь серьезныхъ работъ извѣстныхъ авторовъ, пользующихся широкой популярностью во всей Европѣ. Однако, „Библіотека Великой Войны“ не ограничивается этой задачей: мы организовали центральное Бюро для распространенія при помощи нашего широко разбросаннаго по всей Россіи **аппарата агентовъ** всевозможныхъ изданій, касающихся Великой Войны, какъ-то: книгъ и брошюръ, географическихъ и т. п. картъ, рисунковъ и открытокъ и пр. Мы, конечно, беремъ на себя распространеніе лишь вполнѣ серьезныхъ изданій, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, отмѣченныхъ прессою.

Мы предлагаемъ какъ издательскимъ фирмамъ, такъ и частнымъ лицамъ, наше содѣйствіе по распространенію ихъ изданій на весьма выгодныхъ условіяхъ.

Мы будемъ крайне благодарны Вамъ, М. Г., если Вы благоволите прислать намъ извѣщеніе объ изданныхъ Вами и намѣченныхъ къ изданію произведеніяхъ и указать условія, на которыхъ Вы согласились бы съ нами работать.

Съ почтеніемъ

Центральное Бюро Изд-ства

„Библіотека Великой Войны“.

Изданія „Библіотеки Великой Войны“.

Поль Гамеліусъ,
профессоръ Льежскаго университета

ОСАДА ЛЬЕЖА.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

...Объективно написанная, брошюра проф. Гамеліуса даетъ интересную картину вторженія нѣмцевъ, извѣстную намъ лишь по краткимъ газетнымъ сообщеніямъ.

(„Рѣчь“, 3 ноября 1914 г.).

Въ обширной газетной литературѣ о Бельгіи было до сихъ поръ много лирики и мало фактовъ. У насъ писали о Бельгіи не бельгійцы, очень часто люди, не имѣющіе представленія о Бельгіи. Останавливала на себѣ вниманіе внѣшняя сторона событій, и драма Бельгіи складывалась изъ отдѣльныхъ яркихъ эпизодовъ. Она выходила мелодрамой. Участь Бельгіи олицетворялась участью Лувена. Поэтому такой патетической и мелодраматической была русская литература, посвященная Бельгіи, а въ пафосѣ всегда оставляетъ чувство неудовлетворенности слишкомъ общее его выраженіе.

По этой, можетъ быть, причинѣ читается съ особымъ интересомъ и волненіемъ книжка бельгійца Поля Гамеліуса, профессора льежскаго университета „Осада Льежа“. Она написана просто и интимно....

Сердечной болью и обидой проникнуты всѣ страницы небольшой книжки....

Вся книжка говоритъ о пламенной, непримиримой, сосредоточенной и спокойной готовности бороться до конца за родину, ея свободу и достоинство. Родина, а не криминалъ — вотъ что лежитъ въ основѣ патріотизма бельгійскаго профессора. И пусть не прусскіе лейтенанты, а лауреаты монтіоновской преміи за добродѣтель привели бы войска въ Бельгію—они прежде всего враги! Въ этомъ патріотизмѣ нѣтъ человѣконенавистничества,

Изданія „Библіотеки Великой Войны“.

нѣтъ травли и дурной философіи. Этотъ патріотизмъ не застилаетъ глаза кровавымъ туманомъ и позволяетъ сохранить объективность и безпристрастіе...

Въ книжкѣ Поля Гамеліуса есть много трогательныхъ сценъ. Онъ пережилъ всѣ ужасы осады, но, какъ всѣ очевидцы, онъ разсказываетъ о пережитомъ спокойно, безъ патетическихъ жестовъ и барабанно-красивыхъ словъ. Но именно поэтому нельзя безъ волненія читать его небольшую книжку, въ которой есть только одно восклицаніе въ видѣ эпиграфа: „О, Бельгія! О, нѣжнолюбимая мать!“

День, 10 ноября 1914 г.

Цѣна 50 коп.

А. К. Грэвсъ.

ТАЙНЫ ГЕРМАНСКАГО ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА

(записки бывшаго нѣмецкаго шпіона).

Интересныя сами по себѣ, записки Грэвса, раскрывающія тайны германскаго военнаго министерства, ...„пріобрѣтаютъ въ настоящее время еще большій интересъ“.

(„Современное Слово“ 7 ноября 1914 г.).

Цѣна 50 коп.

Профессоръ Шенвертъ.

Спутникъ Полевого Врача и Сестры Милосердія.

„Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы распространеніе этой книжки среди русскихъ полевыхъ врачей и сестеръ милосердія облегчило въ подходящихъ случаяхъ, хотя бы въ нѣкоторой мѣрѣ, страданія раненыхъ, жертвъ настоящей войны, безразлично къ какой бы воюющей сторонѣ они ни принадлежали“.

Академикъ **В. М. Бехтеревъ.**

Цѣна 2 руб.

Изданія „Библіотеки Великой Войны“.

ИЗЪ-ЗА ЧЕГО МЫ ВОЮЕМЪ?

Составили профессора Оксфордскаго Университета по факультету новой исторіи:

Брошюра „Изъ-за чего мы воюемъ?“, только что вышедшая на русскомъ языкѣ въ изданіи „Библіотеки Великой войны“, посвящена спеціально выясненію „позиціи Великобританіи“. Она составлена оксфордскими профессорами по факультету новой исторіи, принадлежащими, какъ они сами говорятъ въ предисловіи, къ различнымъ направленіямъ политической мысли. Такимъ образомъ, эта брошюра имѣетъ въ виду, прежде всего, англичанъ. Но было бы ошибочно думать, что она не представляетъ интереса и для иностранцевъ. Напротивъ, ближайшее ознакомленіе съ тѣмъ, какъ авторитетные представители англійской исторической науки пердставляютъ себѣ задачи Великобританіи въ настоящей войнѣ, не оставляетъ никакихъ сомнѣній, что эти задачи совпадаютъ съ правильно понятыми задачами союзниковъ Англіи и, въ частности Россіи. Появленіе русскаго перевода оксфордской брошюры можно поэтому только привѣтствовать....

Что касается матеріала, изъ котораго составлена брошюра, то онъ подобранъ чрезвычайно тщательно и съ чисто-„англійской“ заботливостью къ интересамъ и запросамъ читателя. Съ этой точки зрѣнія любопытна приведенная въ началѣ книги хронологія „главнѣйшихъ датъ“, изъ которыхъ первая относится къ 1648 году, „дневникъ событій, поведшихъ къ войнѣ“, начиная съ „событія“ 15 іюня, и списокъ „дѣйствующихъ лицъ“, въ которомъ перечислены монархи, министры иностранныхъ дѣлъ и дипломаты причастныхъ къ войнѣ государствъ. Самый текстъ книги открывается главой, въ которой дается краткій историчсскій очеркъ нейтралитета Бельгіи и Люксембурга. Во второй главѣ разсматриваются судьбы европейской политики въ періодъ вооруженнаго мира. Здѣсь подробно изслѣдуется роль тройственнаго союза въ той „бѣшеной скачкѣ вооруженій“, которой ознаменовались послѣднія десятилѣтія, и, въ частности, выясняются причины, побудившія Англію, подъ впечатлѣніемъ вызывающей политики Германіи, сблизиться съ Франціей, а затѣмъ и съ Россіей. Въ прибавленіи къ этой главѣ кратко изложено содержаніе англо-французскаго соглашенія 1904 года, отъ котораго „пошло“ тройственное согласіе. Небольшая третья глава характеризуетъ развитіе русской политики съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Русскій читатель

съ естественнымъ интересомъ остановится здѣсь на немногочисленныхъ, но содержательныхъ строкахъ, въ которыхъ авторы брошюры констатируютъ наличность глубокихъ симпатій между Англіей и Россіей и счастливый параллелизмъ ихъ политическихъ интересовъ. Послѣ главы четвертой, содержащей хронологичеекій очеркъ кризиса 1914 года, идетъ самая обширная пятая глава, въ которой съ выдающейся отчетливостью изображается ходъ переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ. Авторы брошюры, повидимому, придаютъ особую важность подробному обоснованію того тезиса, что Англія до самаго послѣдняго момента отказывалась отъ какихъ-либо опредѣленныхъ обязательствъ по отношенію къ Россіи и Франціи и вмѣшалась въ войну только тогда, когда Германіей были одновременно сразу затронуты и ея жизненные интересы, и самыя основанія европейскаго международнаго общенія. Въ прибавленіи къ пятой главѣ передается содержаніе австро-венгерскаго ультиматума Сербіи и сербскаго отвѣта. Послѣ шестой главы, въ которой характеризуется современная германская государственная доктрина, съ типичнымъ для нея поставленіемъ силы выше права, авторы брошюры въ сильно написанномъ заключеніи подводятъ итоги сказанному.

Тщательно во всѣхъ деталяхъ подготовленный и обоснованный выводъ, которымъ заканчивается книга, сводится къ тому, что въ настоящей войнѣ Англія борется одновременно и за свои, угрожаемые Германіей, „интересы“, и за попранное Германіей „европейское международное право“. Съ полною откровенностью авторы брошюры признаютъ, что отношеніе Англіи къ мелкимъ европейскимъ государствамъ было не всегда безупречно. Но именно печальныя послѣдствія допущенныхъ въ этомъ отношеніи Англіей ошибокъ убѣждаютъ авторовъ въ томъ, что правильная международная политика есть, въ концѣ концовъ, только та политика, которая руководится столько же соображеніями политической цѣлесообразности, сколько и велѣніями моральнаго долга по отношенію къ международному общенію. „Англійскія симпатіи и англійскія традиціи совпадаютъ съ англійскими интересами... Англія находится теперь въ томъ счастливомъ положеніи, что ея долгъ и ея интересы одинаково побуждаютъ ее дѣйствовать въ одномъ и томъ же направленіи“. Вотъ морально-политическая формула „позиціи Великобританіи“ въ настоящей войнѣ. Надъ этой формулой стоитъ подумать, такъ какъ въ ней объясненіе священнаго „повоса войны“ у нашихъ союзниковъ и секретъ ихъ непоколебимой вѣры въ побѣду. („Рѣчь“, 5 января 1915 г.).

Цѣна 75 коп.

Изданіе „Библіотеки Великой Войны“

СѢРАЯ КНИГА.

Сборникъ бельгійскихъ дипломатическихъ документовъ, относящихся къ войнѣ 1914 г. (24 іюля—29 августа н. с.). **Цѣна 40 коп.**

Л. М. Захарова.

Дневникъ Сестры Милосердія.

Ц. 1 р.

В. Бѣловъ.

КРОВЬЮ и ЖЕЛѢЗОМЪ.

Ц. 1 р.

Книгоиздательство „МЫСЛЬ“.

Б у ш е.

Четвертое измѣреніе.

Ц. 1 р. 50 к.

Дастръ.

ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ

съ заключительной статьей **Б. С. Бычковскаго** о теоріи жизни Бергсона. **Ц. 1 р. 25 к.**

БРЮНЪ.

ДЕГРАДАЦІЯ ЭНЕРГІИ И ГИБЕЛЬ МІРА.

Ц. 1 р.

Ц. 1 р.

Складъ изданія: Невскій 60, кв. 11.

Типографія „ВИКТОРІЯ" Знаменская, 17. Тел. 32-48.